

ГРИГОРИЙ ГАНЗБУРГ

**О писательнице под
псевдонимом
С. Свириденко**

Григорий Ганзбург

**О писательнице
под псевдонимом
С. Свириденко**

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 8
ББК 80
Г19

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ганзбург Григорий

Г19 О писательнице под псевдонимом С. Свириденко / Григорий Ганзбург. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 82 с.
ISBN 978-5-0055-1340-3

Очерк творчества Софии Свиридовой — писательницы Серебряного века. В приложении публикуется ее рассказ «Колдун» и письма к Александру Блоку, Ивану Ершову, Ивану Егорову.

**УДК 8
ББК 80**

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-1340-3

© Григорий Ганзбург, 2021

**Памяти моего педагога,
музыковеда Зинаиды Борисовны Юферовой.**

ВВЕДЕНИЕ

Когда говорят о неизвестных или забытых именах в истории культуры, почти всегда речь идет о малых величинах, о фигурах локального значения, которые представляют интерес не столько для искусствознания или литературоведения, сколько для *краеведения*. Однако в данном случае дело обстоит по-другому. Когда наследие С. Свириденко делается доступным для общественности, станет очевидным, что ее творчество — одно из самых крупных и важных явлений в культуре первой четверти XX века.

Я натолкнулся на эту фигуру почти случайно, когда занимался изучением музыки Роберта Шумана. Среди немногочисленных русскоязычных книг о композиторе привлекла внимание книга С. Свириденко «Шуман и его песни» (СПб., 1911). Та книга была настолько своеобразна, что захотелось прочесть и другие работы ее автора. Большинство из них оказались о Вагнере. Таким образом, С. Свириденко привела меня своими книгами к Вагнеру и вагнероведению, и когда я там осмотрелся, стал читать современных вагнероведов (а с некоторыми из них и общаться лично), то с удивлением обнаружил, что почти никто из них не знает трудов Свириденко — автора семи книг и девяти статей вагнеровской тематики (в это число входят лишь изданные работы). Но писательница эта настолько основательно забыта, что даже те музыковеды, которые занимаются Вагнером и хорошо ориентируются в литературе о нем на русском языке, не всегда знают о существовании ее работ.

Другим стимулом моего интереса к Свириденко стала занимавшая меня новая научная дисциплина, изучающая творчество либреттистов и переводчиков либретто и названная мною либреттологией. Либреттология — наука о словесном компоненте музыкального произведения. В качестве особой музыковедче-

ской дисциплины либреттология была впервые названа мною в докладе 1976 года, а статус и терминология – кратко определены в статье «О либреттологии»¹. На этот раз С. Свириденко снова попала в поле зрения, но теперь – как выдающаяся переводчица вокальных текстов.

Чтобы понимать произведения того или иного автора, бывает важным иметь определенное представление и о нем самом. Пришлось приложить некоторые усилия, чтобы доискаться сведений о С. Свириденко, а потом сделать эти сведения и само имя писательницы известным другим исследователям и читателям. Работая в архивах Петербурга и Москвы, я нашел документы, связанные со Свириденко, некоторые из них впервые опубликовал.

Публикаций по данной теме я сделал не много, поскольку занимался ею как бы между делом, в свободное от основных занятий время. Два письма С. Свириденко к И. В. Ершову впервые опубликованы мною в 1988 году в московском журнале «Литературное обозрение», рассказ «Колдун» – в харьковской газете «Зеркальная струя» в 1997 году, перевод Баллады Ф. Дана «Песнь Валькирии» и фрагменты писем – в московском журна-

¹ Ганзбург Г. И. О либреттологии // Советская музыка [М.].-1990.-№2.-С.78–79. См. также: Мышкис Е. Д., Ганзбург Г. И.. Об одном способе самостоятельного изучения иноязычных либретто (структура учебного пособия) // Особенности преподавания иностранных языков в вузах искусств. Сборник научных трудов. – Л., Изд. ЛОЛГК, 1990.-С.135–141.; Ганзбург Г. И. Либреттология и специальные аспекты изучения вокальных произведений Ф. Шуберта и Р. Шумана //Шуберт и шубертианство. Сборник материалов научного музыковедческого симпозиума. – Харьков, 1994.- С.83–90.; Ганзбург Г. И. Шубертведение и либреттология //Франц Шуберт: К 200-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции.- М.: Прест, 1997.-С. 111–115.; Ганзбург Г. И. Пушкинистика и либреттология //Вісник Харківського університету №449. Серія Філологія. Пушкін наприкінці ХХ століття. – Харків, 1999. – С. 261–266.

ле «Музыкальная академия» и в киевском научном сборнике «Українсько-німецькі музичні зв'язки минулого і сьогодення» в 1998 году¹. Обобщающий очерк о С. Свириденко с приложением впервые опубликованных ее писем к А. Блоку и И. Ершову я поместил в малотиражном ведомственном музыковедческом сборнике 2008 года «З музично-педагогічного та дослідницького досвіду. Вип 2».

Две статьи о Свириденко, написанные по моей просьбе харьковским музыковедом Еленой Рощенко включены в сборники, издававшиеся Институтом музыкознания под моей редакцией в 1995 и 1997 годах.

Четырежды я выступил с докладами о творчестве С. Свириденко – на международных научных конференциях в Киеве «Украинско-немецкие музыкальные связи прошлого и настоящего» (1997), «Рихард Вагнер и современность» (1998), в Харькове на специальном заседании Вагнеровского общества (1999) и в Москве на конференции «Украинская диаспора в России» (2001).

Сведения о личности и судьбе С. Свириденко

С. Свириденко – поистине трагическая фигура. При жизни она была по разным причинам гонима, время и обстоятельства ее смерти неизвестны². Большая часть ее наследия утрачена. Из уцелевшей части наследия главные работы до сих пор не опубликованы. Изданных ее работ сегодняшней читатель не знает и зачастую даже не подозревает об их существовании. (При том, что за свою жизнь она успела напечатать более десяти книг и несколько десятков статей.)

¹ Сведения о публикациях, касающихся С. Свириденко см. в настоящем издании в разделе «Библиография».

² Умерла не ранее 1928 г. Эта дата устанавливается на основании записки Б. Шпаро к П. С. Когану от 25.05.1928. - РГАЛИ, ф.237, оп.1, №145.-Л.1.

Происхождением и некоторыми фактами творческой биографии С. Свириденко связана с Украиной. Сфера ее профессиональных интересов имеет отношение в основном к Германии и скандинавским странам. А жила она в России и сочинениями своими обогатила литературу на русском языке. Вот что она пишет об особенностях своего национально-культурного самосознания: «На Россию я все-таки смотрю извне. Русского патриотизма во мне нет. Мое тройное происхождение оставило мне атавистически тройное национальное чувство: украинское – еврейское [...] – немецкое [...]. Но это все относится к чувству национальному; а на первом плане для меня просто человеческое».¹

Сведения о судьбе этой писательницы скудны и фрагментарны. Не всегда просто бывает идентифицировать ее публикации, подписанные псевдонимами или инициалами. Нужно учитывать, что родилась она и прожила первую половину жизни под именем Софии Александровны Свиридовой, писала под псевдонимом С. Свириденко (или Святослав Свириденко), а после перехода в католичество приняла новое имя – Жильберта.

С. А. Свиридова родилась в 1882 г. в Петербурге, ее отец был крупный чиновник, к концу службы он носил генеральский чин (действительный статский советник). Семья, имевшая украинские корни, сохраняла связи с интеллигенцией Украины, например, поддерживала переписку с семьей Ивана и Панаса Рудченко (соавторы романа «*Хіба ревуть воли, як ясла повні?*», известные под псевдонимами Ивана Билька и Панаса Мырного), а сама С. Свириденко в ранние годы печаталась в газетах Полтавы, одну из работ опубликовала в Киеве².

Была она поэт, прозаик, переводчик-эквиризмист, музыковед, музыкальный критик, ученый в области истории, филологии и...

¹ РНБ, ф.273, №130, лл.8–10. (Полностью этот документ впервые публикуется в приложении к настоящему очерку.)

² Памяти И. Я. Рудченка. Очерк. //Отд. оттиск из журнала «Киевская

окультизма; знала 15 языков, была автором книг и статей о творчестве Р. Вагнера, Р. Шумана, Ф. Листа, Й. Брамса, исторических повестей, поэтических переводов, сотрудничала в «Большом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», в журналах «Русское богатство», «Мир Божий», «Родник», «Современный мир», «Солнышко», в «Русской музыкальной газете», газетах «Новости», «Полтавщина» и др. В разные годы с нею творчески соприкасались А. Блок, М. Шагинян, академики И. Гревс и Ф. Браун.

Человеком она была весьма необычным: намеренно создавала себе мужской имидж (этому служил и псевдоним *Свириденко*, не обозначающий пола), глубоко знала мистические учения, и, по некоторым сведениям, научилась преодолевать пределы обычных психических возможностей человека. В этой части ее биографии много таинственного и даже пугающего.

После Октябрьской революции С. Свириденко, лишившаяся всего, бедствовала, несколько лет была на грани голодной смерти. В этот период она писала о себе так: «Для меня вовсе не важнейшее значение имеет поддержание физического существования. Я живу не изо дня в день с главною заботою, как бы прокормиться — у меня своя поставленная цель в жизни, путь бытия, намеченный вполне ясно и дающий мне большое счастье и такой безусловный покой, что для меня имеет очень второстепенное значение — приходится ли мне идти этим путем сытому или голодному, босиком или обутому»³.

Что же это за своя цель в жизни? Если не касаться мистической стороны, связанной с практикой оккультизма, а рассматривать только творческую — научную и литературно-художественную — сторону ее деятельности, то центральной сферой творческих интересов С. Свириденко, насколько можно об этом судить по оставшимся материалам, была северогерманская мифология и отражение ее в искусстве. Поэтому главным объектом искус-

Старина». — К., 1906.

³ РНБ, ф.273, №30.-С.2—3.

ствоведческих студий С. Свириденко был Рихард Вагнер. Она стремилась воссоздать на русском языке «Эдду», а также основанные на эддических мотивах либретто опер Вагнера и Баллады Феликса Дана.

ОБЗОР НАСЛЕДИЯ С. СВИРИДЕНКО

1) С. Свириденко принадлежит первый полный русский перевод «Эдды», выполненный стихотворными размерами подлинника с применением (впервые в таком масштабе) русского аллитерационного стиха и с обширным научным комментарием. (За эту работу переводчица в 1911 г. удостоена Ахматовской премии Императорской Академии наук). Том I (песни о богах) был издан в 1917 году. Том II (песни о героях) не издан. Долгое время рукопись второго тома считалась утраченной, потом была выявлена в архиве издательства Сабашниковых и ныне хранится в РГБ.

Чтобы дать представление о стиле и об аллитерационной технике, применяемой Свириденко, привожу два фрагмента.

*Лишь Один причиной всему, что случилось:
Разрознил он бранными рунами род.¹*

Шорохом шумным трава зашуршала.²

2) Поскольку в дошедшем до нас подлинном тексте «Эдды» утрачены некоторые фрагменты, — соответствующие пробелы намеренно оставлены и в переводе С. Свириденко. Однако в том месте, где зияет в особенности досадный пробел — там где отсутствует часть текста, повествующая об истории Зигфрида, —

¹ «Эдда». Книга II-я. 1910 [г.]-ГБЛ, ф.261, к.12, №1.-Л.78.

² Песнь о Сигурде. Вольный перевод древняго германского сказания. С общедоступным предисловием автора.-СПб., 1912.-С.43.

Свириденко не удержалась и сочинила вместо утраченного фрагмента «Эдды» собственную оригинальную поэму «Песнь о Сигурде». Сделано это в техниках рифмованного стиха (в отличие от переводных песен «Эдды», которые она писала аллитерационным стихом без рифм). За эту работу, изданную в 1912 году, автору присуждена Пушкинская премия Императорской Академии Наук (1915 г.). Даже при том, что в России жанр поэмы чрезвычайно богат шедеврами, при том что в этом жанре существуют и «Демон» Лермонтова, и «Медный всадник» Пушкина, поэма Свириденко для читателей, которые ее узнают, становится одним из самых любимых произведений.

В качестве образца стиля цитирую одну из строф поэмы:

[Сигурд Брингильде:]

*Боги даруют мне счастье с тобою,
Вечную славу и раннюю смерть;
Лучшаго жребия я не желаю,
Лучшаго жребия нет!¹*

3) Известно о существовании исследования С. Свириденко об эзотерическом содержании «Эдды». В одном из примечаний она пишет: работа над эзотерическими текстами Эдды «составляет в течение ряда годов мою специальную задачу [...] (вышедший мой перевод Эдды – I том – сознательно не касается вовсе оккультной области. Разбор Эдды эзотерический – я предпринимаю в специальном труде)».² Рукопись этой неопубликованной книги С. Свириденко пока не разыскана и, вероятно, утрачена.

4) О северогерманской и скандинавской древности С. Свириденко создала ряд прозаических произведений, рассчитан-

¹ Там же. – С.69.

² РНБ, ф.273, №240.-Л.3 об.

ных на широкого читателя. В числе таких работ: «На Севере. Повесть из далекого прошлого северных германских племен» (СПб., 1907.), повесть «Колдун», написанная для журнала «Нива», но так и оставшаяся в рукописи¹ (впервые опубликована нами в Харькове в 1997 г.).

Образец стиля прозы С. Свириденко:

«[...] германския имена — звучныя, как рокот арфы или всплеск волны, иногда резкия, как удар меча [...]»²

5) По вагнеровской проблематике С. Свириденко издала научно-популярные книги³ и статьи⁴, тексты которых сочинены на уровне художественной прозы и заставляют вспомнить стиль прозы М. Цветаевой. Написанные в качестве популяризаторских работ для слушателей, книги С. Свириденко об операх Вагнера содержат немало оригинальных свежих идей, что делает их интересными и важными также и для ученых-музы-

¹ ЦГАЛИ, ф.335, оп.1, №296.

² С. Свириденко. Колдун // Зеркальная струя (Харьков).-1997.- №1.- С.16.

³ Трилогия «Кольцо Нибелунга» Рихарда Вагнера.- СПб., 1907. (2-е изд. доп. и испр.: СПб., 1908.); Вагнеровские типы Трилогии «Кольцо Нибелунга» и артисты Петербургской оперы.- СПб., 1908; Тристан и Изольда Рихарда Вагнера.- СПб.-М., 1909; Парсифаль Рихарда Вагнера.- СПб. — М.: В. Бессель и К., 1914; Нюрнбергские мейстерзингеры Рихарда Вагнера. Общедоступный очерк [и либретто].- СПб.- М.: В. Бессель и К, 1914.

⁴ Итоги вагнеровских спектаклей [Мариинский театр] //РМГ.-1908.- №17; Вагнеровский сезон 1908—1909. //РМГ.-1909.-№17; Сюжет и эпоха «Тристана и Изольды» // РМГ.-1911.-№4; «Лоэнгрин» (бенефис оркестра) //РМГ.-1911.-№7.-С.190—191; Вагнеровский сезон 1910—1911 [Мариинский театр] // РМГ.-1911.-№18—19; Лист и Вагнер. Очерк (посвящается моему другу) // РМГ.-1911.-№40—41; Вагнер и древне-германский народный эпос // РМГ.- 1913.-№15—16, 18—21, 40—41, 43—45; Вагнеровский сезон 1912—1913. // РМГ.-1913.-№18—19; К постановке «Парсифаля» // РМГ.-1914.-№1.

коведов. Те направления мысли, которые там вычитываются, могли бы быть развернуты в десятках диссертаций. При этом манера изложения настолько далека от академизма, что вызвала у современников бурные страсти и провоцировала полемику в печати. Так, книга М. В. Станиславского «Вагнер в России» (СПб., 1910) была написана как полемическая отповедь в адрес книги С. Свириденко «Вагнеровские типы Трилогии „Кольцо Нибелунга“ и артисты Петербургской оперы», а дирижер Э. Ф. Направник в раздражении назвал эту ее книгу «смесью экзальтации и поношений»¹.

Привожу уникальный фрагмент главы о валькириях из книги «Кольцо Нибелунга» и артисты Петербургской оперы». Там, где Вагнер в своей музыкальной драме сочиняет «Полет валькирий», применив изощренную оркестровую технику, там Свириденко в своей книге дает этот неожиданный, не имеющий аналогов фрагмент — один из лучших образцов применения техники ритмической прозы в русской литературе.

«В облачной выси, в воздушном просторе, слышится буйный полет: вольно и дико, бешено мчатся летучие кони Вестниц побед. В голосе бури, в грохоте грома, грозно несется ликующий клич, — мощные крики, бранные песни, — чудные, страшные песни битв. Молнии светят. В тучах сверкают очи могучих дев; блещут доспехи — золото шлемов, золото броней, светлая сталь мечей. Звонко бряцают блестящая брони, гулко гудят щиты; в мощном полете, ветер взвивает с шумом и свистом тяжелые волны длинных кудрей... Подняты копыя; мечи наготове; дикие кони храпят... Гордые всадницы шумно ликут, с радостным смехом несутся в бой. Лёт всё быстрее; громче их крики; очи горят огнем. Шибче и шибче — неудержимо — бурею, вихрем — мчитсь над миром горняя рать!..»²

¹ ЛГИТМиК. Ф.21, оп.2, ед. хр. 122.

б) Главным трудом С. Свириденко был полный эквиризмический перевод либретто Тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга». По устному сообщению А. А. Гозенпуда, этот перевод был вписан в нотные клавиры, хранившиеся до войны у певца И. В. Ершова, дальнейшая судьба тех клавиров неизвестна.

История этой работы такова. С. Свириденко знала вагнеровские оперы в оригинале и в русских переводах, принятых в постановках Мариинского театра. Близкое знакомство с И. В. Ершовым, выдающимся исполнителем теноровых партий вагнеровского репертуара, дало стимул для первых попыток улучшения существующих переводов. По утверждению С. Свириденко, некоторые фрагменты переводились ею совместно с Ершовым. Сведений об отношении С. Свириденко к переводам ее предшественников не много. Привожу здесь фрагмент ее письма к В. П. Коломийцову от 25.02.1911.: « [...] не могу не написать и по поводу вашего «Золота Рейна». Не мудрено, если Ершов с ним так «носится», как Вы говорите, — и я также буду носиться! Потому что это действительно великолепно. [...] Говорю по совести: никогда бы я не подумала, что возможен такой сплошь удачный текст. И за аллитерацию спасибо, мое германское сердце радуется».³

Фрагменты собственного перевода вагнеровских либретто С. Свириденко приводила в своих книгах в виде цитат. Например:

Вотан:

Должен ли вслух я

Высказать то,

Что живёт лишь в воле моей?

² Вагнеровские типы Трилогии «Кольцо Нибелунга» и артисты Петербургской оперы.- СПб., 1908.-С.140–141.

³ ЛГИТМиК. Ф.87, оп. 1 ед. хр. 216.

Бригильда:

*Своей лишь воле скажешь,
То, что скажешь ты мне!..
Не я ли воля твоя, отец?*

Вотан:

*Чего не сказал никому я –
Тем не делюсь я с другим и ныне:
С тобой, – ведь это – с самим собой!¹*

В 1921 году либретто «Кольца Нибелунга» в новом полном переводе С. Свириденко готовилось к публикации в издательстве «Всемирная литература» и по рекомендации А. А. Блока было передано для редактирования М. С. Шагинян. Сведения об этом сохранились в протоколах заседаний редколлегии.

8 февраля 1921 г.: « [...] Сообщение Блока о том, что М. Шагинян, которой было поручено просмотреть перевод «Кольца Нибелунгов» Вагнера, заявляет, что перевод нуждается в значительной переработке. По мнению Блока, Е.М.Браудо и Зоргенфрея, редактировавшего работу Свиридовой, перевод сделан талантливо. Самый главный его недостаток тот, что ритм не везде выдержан. Постановили: Ввиду того, что книга уже набрана, просить М. Шагинян отметить те места, которые она считает необходимым изменить и затем передать ее работу на просмотр поэтической коллегии и Е. М. Браудо.»

18 февраля 1921 г.: « [...] Сообщение Блока о том, что М. Шагинян просмотрела первые листы «Золота Рейна» Вагнера, причем все свои замечания представила на отдельных листках. Постановили: просить Блока просмотреть все замечания Шагинян и доложить о них в Коллегии в одном из ближайших заседа-

¹ Вагнеровские типы Трилогии «Кольцо Нибелунга» и артисты Петербургской оперы. – СПб., 1908.-С.78.

ний.»

22 февраля 1921 г.: « [...] Сообщение Блока о том, что переданная ему на просмотр работа М. Шагинян по редактированию «Золота Рейна» Вагнера в переводе Свиридовой произведена, по его мнению, очень тщательно и талантливо. А. А. Блок предлагает поручить М. Шагинян закончить редактирование тетралогии Вагнера. Постановили: Принять предложение А. А. Блока».¹

Из письма А.А.Блока:

«Работа М. С.Шагинян исполнена очень талантливо и внимательно. В редких случаях, когда у меня возникали сомнения, я делал заметки или предлагал варианты. Перевод, несомненно очень выиграет от таких поправок; поручение их переводчице может помешать делу (не потому, что перевод плох — он очень хорош, а потому, что от своего труднее отказаться). [...]»²

Этот эпизод известен и по мемуарам М.С.Шагинян «Человек и время»:

«[...] в первой половине 1921 года, когда я так остро нуждалась в хлебе для семьи [...], „Всемирная литература“ предложила мне отредактировать новый перевод вагнеровского „Кольца нибелунга“, создаваемый переводчицей Свириденко. Я должна была исправлять этот перевод, а над моими исправлениями редактором стал Блок. Эту совместную работу мы делали, не встречаясь друг с другом и не знакомясь лично: исправленные мной листы я отсылала в издательство, а оттуда их посылали Блоку. [...] Блок внимательно следил за этой ра-

¹ См.: Зильберштейн И. С. Блок и Мариетта Шагинян //Литературное наследство. — Т. 92. — Кн. 4. — М.,1987.-С.757–758.

² Цит. по: М. С. Шагинян. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 1. — М., 1986. — С.640.

ботой, правил изредка красным карандашом мои поправки, и они опять отсылались мне. [...] Так и работали мы оба некоторое время, не встречаясь и не знакомясь друг с другом до самой его смерти.»¹

Впоследствии перевод готовился к печати и был доведен до верстки в издательстве «Academia», в архиве которого сохранился корректурный экземпляр гранок. Этот главный труд С. Свириденко всё еще ждет опубликования.

Ныне, в связи с распространившейся практикой постановок опер на языке оригинала, у многих возникает сомнение в необходимости вообще публиковать вокальные переводы либретто, в частности, переводы С. Свириденко. Сомнения эти — результат укоренившихся заблуждений, связанных с неосведомленностью в области либреттологии.

Вокальные переводы вагнеровских либретто — особая область искусства поэтического перевода. Как выразился в 1912 г. А. А. Сидоров (впоследствии академик-искусствовед), «язык Вагнера — блестящий, кованный, меткий, слагается в свойственную лишь ему одному поэтическую речь, сверкающую, как чешуя змеи»². Публикация вагнеровских переводов С. Свириденко в добавление к уже имеющимся вариантам Тюменева, Званцова, Чехихина, Коломийцова и др. — важна и необходима, если помнить о том, что смысл оригинала, по словам О. А. Алякринского, подобен некоему пределу, к которому переводчики могут бесконечно приближаться, никогда его не достигая³, а значит — нужны разные переводы одного и того же либретто, чтобы, по выражению А. Лободанова, «окружить смысл и не дать ему ускользнуть»⁴.

¹ М. С. Шагинян. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 1. — М., 1986. — С. 637, 639.

² РГБ, ф.167, к.26, №10.- Л.34.

³ См.: Речь, восприятие и семантика.-М,1988.-С.138

Распространена тенденция недооценивать значение вокальных переводов либретто. По разным соображениям театральные постановщики используют текст вагнеровского оригинала даже тогда, когда публика не знает немецкого языка. Но восприятие музыки процесс интимный, при котором мелодия и поэтический текст произведения затрагивают глубинные структуры мозга. Если туда, в глубины подсознания и может попадать слово, увлекаемое всепроникающей мелодией, то лишь слово родного языка. Иностранные языки осваиваются человеком в зрелом возрасте рациональным путем и воздействие иностранного текста затрагивает в основном сознание, верхний слой интеллекта. Чтобы войти в более глубокие слои, необходимо оперировать языком, усвоенном в раннем детстве и укорененным в подсознании. Таким качеством обладает только родной язык (немцы называют его материнским, *Muttersprache*). При восприятии музыкальной речи происходит неосознаваемое усвоение смысла, вносимого элементами музыкального языка, такой же подсознательный механизм действует и при восприятии текста либретто. Поэтому принципиально важно, чтобы вагнеровские оперы были доступны каждому человеку на его родном языке.

б. Жанру *Lied* посвящены следующие публикации С. Свириденко:

а) книга: Шуман и его песни. Очерк.-СПб., 1911.

б) статьи: Лирика песен Шумана. «Эскиз» //РМГ.-1910.-№22 –23; О песнях Брамса //РМГ.-1913.-№34 – 35.

в) Первостепенное значение для современной концертной практики сохраняют выполненные С. Свириденко переводы текстов песен Шумана, Брамса и Грига, опубликованные в дореволюционных нотных сботниках (некоторые из переводов перепе-

⁴ А. Лободанов. О переводах со старопровансальского языка //Филология. Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков.-М.:Изд-во МГУ, 1981.-С.92.

чатывались и в советское время).

Бытуют, как известно, два принципа исполнения вокальной музыки: на языке автора и на языке слушателя, каждый из этих принципов проявляет и свои преимущества, и слабые стороны. Оба варианта имеют право на существование, однако, с точки зрения либреттологии, исполнение иностранной вокальной музыки на языке аудитории (то есть в переводе) предпочтительнее, и вот почему. Стихотворная основа вокальных произведений, как известно, включает два слоя – фонетический и семантический (звучание и значение). Если слушатель не знает иностранного языка, то чем-то одним (фонетикой или семантикой) приходится жертвовать. При переводе пропадает первоначальная фонетика (но сохраняется семантика), а при исполнении произведения для иноязычной публики без перевода (на языке оригинала), пропадает семантика. Однако, сохраняется ли в этом случае фонетика? Нет, почти никогда. Обычно произношение иностранцев таково, что смысл понятен, но фонетический строй речи иной. При исполнении песен или оперных партий на немецком языке, русскоговорящие певцы обычно камня на камне не оставляют от фонетики оригинала. Происходит двойная потеря: разрушается одновременно и семантическая, и фонетическая конструкция произведения.

Но даже когда фонетика оригинала сохранна, иноязычный слушатель, лишенный стихотворного перевода текста, остается ни с чем. Гейне говорил: «Чудные стихи охватывают твое сердце, как ласка любимой женщины; слово обнимает тебя; мысль – целует»¹. Иноязычный слушатель воспринимает слово, но не мысль. Это означает (в терминологии Гейне) объятие без поцелуя. Понятно, что если вас обнимут и не поцелуют, вы будете недовольны.

Избежать таких досадных потерь при восприятии иноязыч-

¹ Цит. по: Э. Шюре. История немецкой песни. – [СПб., 1884.]

ной вокальной музыки можно лишь благодаря талантливому переводчику: он сохраняет семантику оригинала и при этом выстраивает средствами своего языка новую фонетическую конструкцию, которая во взаимодействии с мелодией воссоздает и возвращает первоначальную силу художественного воздействия, присущую подлиннику. Такими качествами обладают лучшие вокальные переводы С. Свириденко.

Тексты вокальных переводов создаются не для чтения отдельно от музыки и во многих случаях сами по себе обычно не проявляют силы художественного воздействия. Поэтому трудно бывает выбрать такие образцы, которые позволили бы оценить достоинства стихов этого жанра при чтении. В качестве такого примера привожу здесь перевод одного из поздних романсов Р. Шумана, Ор. 89 №4, сочиненного композитором в 1850 г. на немецкий текст Вильфрида фон дер Нейна (Wilfried von der Neun)¹:

Прощание с лесом

*Вот лес умирает неслышно.
Прощается странник с ним:
«Как кров твой любил я пышный,
Как песням был рад твоим!*

*Я все твои знал сказки,
Я сам с тобой певал;
И, полон грустной ласки,
Твой голос друга звал...*

¹ См.: Р. Шуман. Собрание вокальных сочинений. Т. 4. — М.: Музыка, 1967. — С. 91–92.

*Теперь меня он гонит,
Он в душу скорбь мне льёт!
То осень в чаще стонет...
То смерть кругом поёт!*

Удивительным образом две финальные строки перевода (при неточном следовании оригиналу) с непостижимой точностью вносят настроение, присущее шумановской музыке.

8) Чрезвычайно важны для понимания работ С. Свириденко вагнеровской тематики – примыкающие к ним ее переводы Баллад Феликса Дана. Рукопись этого труда С. Свириденко сохранилась в архиве издательства «Academia», содержит редакторскую правку Н. Гумилева (как это ни странно, но правки Гумилева не улучшают, а ухудшают текст С. Свириденко). Почти все переводы баллад еще не опубликованы. Привожу текст одного из лучших произведений этой серии – «Песнь Валькирии», где при переводе удалось сохранить воссозданный Ф. Даном в немецком стихосложении древнегерманский «Stabreim», аллитерационный стих, в данном случае своеобразно соединяемый им с рифмованным стихом.

Из многочисленных неопубликованных переводов баллад Ф. Дана привожу здесь именно «Песнь Валькирии» по двум ображениям. Во-первых, потому что это не только эддический, но и характерно-вагнеровский образ, во-вторых, потому что это стихотворение особенно симптоматично для С. Свириденко, которая ощущала себя носителем потустороннего знания, каким, по идее, должен быть данный текст. Как полагали в древности, валькирию может увидеть лишь тот, кто видит в последний раз, слышать песнь валькирии может только мертвый, стало быть песнь валькирии – это потустороннее знание, откровение, вещи звуки, что слышит убитый воин, чью душу валькирия уносит в Валгаллу. По эмоциональному настрою это одновременно оплакивание и ликование.

Песнь Валькирии

*В дни юной весны твоей видела я,
Мой витязь, расцвет твоего бытия,
Любуюсь тобою, заботясь, любя,
От бед и скорбей я хранила тебя.*

*Я белою лебедью в море плыла –
От бури губящей корабль твой блюла;
Неслышно, незримо паря над тобой,
Тебя провожала я радостно в бой.*

*Блюдя беззаботную юность твою,
Не раз храбреца я спасала в бою:
Не раз отклоняла я вражье копье
И недругу в грудь направляла твоё.*

*Когда же настал предназначенный срок,
И смерть тебе рек неминуемый рок –
Тому, чей удел я при жизни блюла –
Скорейшую, лучшую смерть я дала.*

*Ты полчища вражьи победно разбил;
В очах твоих был торжествующий пыл,
Вскричал ты, ликую: «Победа, друзья!..» –
В тот миг мой удар нанесла тебе я.*

*Твой взор отуманила смертная мгла.
Но бережно павшего я подняла.
И в высь тебя мчу я, чрез зыбь облаков,
В Валгаллу, мой витязь! в обитель богов.¹*

Аллегорией вагнероведению (а то и музыковедению в целом) может служить легенда, изложенная в балладе Ф. Дана «Аббат на Валькензе». Речь там идет о таинственном озере, глу-

бину которого дерзнул мерять некий ученый аббат. В неопубликованном переводе С. Свириденко о нем рассказано следующее:

На озере глубоком,
Что Валькензе зовут,
Есть древняя обитель;
В ней иноки живут...

Случилось это дело
В давнишние года,
Аббат Грегор Профундус
Игумном был тогда.

То муж был, знаменитый
Ученостью своей:
Средь светских и духовных
Не знали равной ей.

Ученья он книги
Без устали читал,
Загадок мирозданья
Немало разгадал.

Все злаки знал, всех тварей
Лесов, и гор, и вод;
Подзорною трубою
Следил созвездий ход...

На озеро однажды
Он устремил свой взор.

¹ РГАЛИ, ф.629, оп.1, №748.-Лл.1–2.

«Мне ведомы все тайны
Лесов, долин и гор. —

А озеро я наше
Не вымерял до дна!..
Хочу я знать, какая
В пучине глубина.»

Благочестивый приор
Качает головой:
« — Досель никто не ведал
Той тайны вековой.

Оставьте это, отче!
Ту бездну создал Бог —
Не для того, чтоб смертный
Ее измерить мог.»

« — Оставьте, отче», вторит
Обительский рыбарь:
«Что озеро бездонно —
У нас все знали встарь.

Не быть добру, поверьте,
От замысла того!
Наш водяной не любит,
Чтоб трогали его.»

« — Что встарь не удавалось —
То ныне я свершу.
А силу водяного
Я смело сокрушу!»

И в лодке выезжает
На озеро аббат.

Два рыбака на веслах,
Понурые, сидят.

В глубоком самом месте
Аббат, благословясь,
Велит остановиться:
Работа началась.

Веревку с крепким грузом
Спускают в лоно вод...
Как в бездну, бесконечно,
Веревка в глубь идет.

На много сотен сажень
Распущена она —
А всё конца не видно:
Всё не достать до дна.

Но вдруг веревка стала
Несносно тяжела:
Казалось, будто к грузу
Привешена скала.

«Придется бросить дело»,
Сказал один рыбак:
«То водяной верёвку
Натягивает так.

Он выдать нам не хочет
Тайн царства своего...
Уж лучше бросим мерять:
Опасно злить его!

Вернемся-ка в обитель...»
— «Нет», говорит аббат:

«Пока не кончу дела —
Не возвращусь назад.

Пред злобой водяного,
Клянусь, не отступлю!
Я колокольным звоном
Власть нечисти сломлю.»

Знак издали он подал:
И тотчас поднялся
Звонарь на колокольню —
Трезвонить принялся.

Всей нечисти подводной
Колокола страшны;
Взбурлила муть и пена
Из тёмной глубины, —

И точно: звон на время
Смирил водяника:
Под благовест верёвка
Вновь сделалась легка.

И вновь ее спускают
На сотни сажений
Зияет хлябь всё глубже —
До дна далёко в ней.

Вот вечер наступает.
Все выбились из сил;
Один аббат работу
Без усталы сносил.

И молвит рыбакам он:
«Ступайте спать, друзья.

Мне помощи не надо,
Без вас управлюсь я.

От дела начатого
Теперь не отступлюсь:
Во что бы то ни стало
До дна я доберусь!..

Твою я вырву тайну,
Проклятая вода!
Хотя б пришлось мне мерять
До Страшного Суда!»

И мерит он, и мерит —
Всё не находит дна...
Настала ночь. Сияет
Над озером луна.

Звонарь устал трезвонить,
Чернец его сменил:
На старой колокольне
Без устали звонил.

Уходит в глубь веревка
На сотни саженой...
И мнится: хлябь зияет
Всё глубже, всё страшней.

На берегу аббата
Усталый инок ждет.
А тот всё мерит, мерит —
Веревка в глубь идет.

И вот уж размоталась
Она во всю длину;

И кажется аббату,
Что близко груз ко дну.

Но вся длина веревки
В руках пришла к концу.
И вот нетерпеливо
Кричит он чернецу:

«Неси еще веревку!
Мне эта коротка.»
— «Владыка, не осталось
Веревки ни клочка.»

« — Так к звонарю ступай ты:
Теперь не нужен звон —
Веревки колокольной
Пусть часть отрежет он.»

Чернец спешит в обитель;
Исполнил он приказ.
И благовест священный
Умолк в полночный час.

Но только перестали
Звонить колокола —
И сила водяного
В пучине возросла.

В руках аббата стала
Веревка тяжелеть;
Он напрягал все силы,
Чтоб тягу одолеть.

Казалось, груз горою
Огромной заменен!

Аббат боролся долго —
Силен был очень он.

Но тяга всё страшнее
В руках его росла —
Она его из лодки
В пучину увлекла...

С тех пор, в иныя ночи, —
Предание гласит —
При лунном свете, лодка
По озеру скользит.

Плывёт без плеска вёсел,
Без шума в тростниках;
Стоит в ней бледный призрак
С верёвкою в руках...

То грешный дух аббата.
В холодную волну
Спускает он верёвку
И мерит глубину.

Но дна он не достанет
В пучине никогда;
Он должен бездну мерять
До Страшного Суда.¹

Музыковедческая наука (и, в частности, та ее отрасль, что занимается Вагнером), несомненно, похожа на легендарного аббата тем, что ей предстоит вечно мерять бездну, никогда не достигая последней глубины.

¹ РГАЛИ. Ф.629, оп.1, №748.- Лл. 101–109.

Важная задача музыковедения — собрать и сделать доступным для читателей (музыкантов и слушателей) работы С. Свириденко. Для этого необходимо:

1. Опубликовать перевод второго тома «Эдды» по имеющейся авторизованной машинописи.

2. Разыскать первоначальный вариант перевода С. Свириденко либретто «Кольца Нибелунгов», а также вариант, переработанный М. Шагинян и опубликовать эти материалы.

3. Опубликовать перевод Баллад Ф. Дана по имеющейся рукописи.

2. Переиздать рассеянные в дореволюционной периодике статьи С. Свириденко и ее книги, ставшие ныне библиографической редкостью.

3. Разыскать уцелевшие части творческого архива С. Свириденко.

Все эти направления разрабатываются в соответствии с планом научных исследований Института музыкознания в Харькове¹ и заинтересованные специалисты (музыковеды, филологи, театроведы) могут присоединиться к программе исследований и публикаций наследия С. Свириденко.

¹ См. публикации сотрудников Института музыкознания: Г.И.Ганзбург. К биографии Ивана Ершова [и Софии Свиридовой] // Литературное обозрение [М.].-1988.-№12.-С.83—84.; Ганзбург Г. И. Предисловие и публикация: С. Свириденко «Колдун» // Зеркальная струя [Харьков].-1997.-№1.-С.12—17. Е. Г. Рощенко. Журнальная вагнериана С. Свириденко в контексте ее творческого наследия // Ф. Мендельсон-Бартольди и традиции музыкального профессионализма: Сб. научных трудов / Сост. Г. И. Ганзбург. — Харьков, 1995.- С.103—119. Рощенко Е. Г. Лики Шумана в его песнях (по прочтении С. Свириденко) // Роберт Шуман и перекрестье путей музыки и литературы / Сост. Г. И. Ганзбург. — Харьков: РА — Каравелла, 1997.-С.34—57.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

1. ПИСЬМО И. В. ЕРШОВУ¹

На случай моей смерти

Дорогой Друзе Иван Васильевич!

Это просьба посмертная, и я знаю, что отказу не будет.

Прошу денежной помощи, чтобы сразу же можно исполнить то, что мне всего важнее: скорее отслужить заупокойную мессу – полную, с пением и органом – лучше бы всего в Церкви Св. Екатерины на Невском. Если епископ O. M. Lagrange в живых и в городе – попросить его, хоть он верно и не помнит меня, но просьбу исполнит по своей святой доброте.

Имя мое, прошу не забыть, Gilberta. А мессу служить по двум усопшим зараз (другой умер давно; Епископу известно дело из моей исповеди, нээто все равно). Так что имена:

Gilles et Gilberte

Messe funebre, avec chant et orgue.

Вы человек верующий, Иван Васильевич, и я спокойно поручаю Вам эту заботу о своей душе: тут знаю что могу на друга положиться.

Не решаюсь просить, чтобы сами для меня попели Requiem, как для Ционглинского... Ну, а помолитесь за меня ведь и без просьбы, правда?

¹ РНБ. Фонд 273. – №130.

О ПИСАТЕЛЬНИЦЕ ПОД ПСЕВДОНИМОМ С. СВИРИДЕНКО

Возьмите себе мои ноты, картину и шашку – больше нечего оставить на память другу.

До свидания в ином мире, куда отойду с надеждой и радостью! И спасибо за все хорошее, мне оказанное.

Храни тебя Господь, дорогое, родное существо. Живи счастливо и верь! Как любимого брата целую тебя крепко и благодарю за светлую дружбу твоей большой хорошей души.

В жизни и в смерти, всегда и навеки –
твой любящий друг
Жильберта Свиридова.

19 13 20

XI

Вспоминаю: 13 ноября – почти годовщина (16е!) нашего знакомства.

1903–1920. Почти 17 лет!

Ну, еще раз до свидания, друже. Храни Господь тебя т твоих близких.

Привет!

2. ПИСЬМО И. В. ЕГОРОВУ¹

Утилизирую бессонную ночь, чтобы написать Вам послание – и сообщить кое-какия о себе даннья.

Пора Вам все-таки приблизительно знать, кого Вы кормите и кого в сотрудники приобретаете.

Вероятно Вам и то уже приходило в голову, слушая как я говорю о разных Категориях лиц – и всё в третьем лице («там-то озлобление – там-то надежды – etc»), и всё в третьем лице, они,

¹ РНБ. Фонд 273. – №130.

те, и эти) — приходило на ум: «А да ты-то, милый человек, из каких же?»

Иоффе не знает меня вовсе. Ида Иос. искренне думает, что «спасла человека, катившагося по наклонной плоскости — по счастью, еще не было поздно...» (ея собственные выражения) и вероятно я кажусь ей чудовищем неблагодарности — либо она считает меня настолько измученным и оступевшим от голода, что с меня требовать нечего — раз я не проявляю безумного восторга по поводу устройства моих дел. После того, как более полугодом человек жил — больше всего подаянием (ничего позорящего я-то в этом не вижу), затем продажей последнего своего белья и посуды — получить обеспеченное существование... уж просто тот факт, что вот 3 дня подряд я ем, и даже досыта, а это со мною не бывало не только за последние полгода, но вот уже более 3х лет, ни разу — в лучшем случае, доводилось быть сытым на один день, и несовсем голодным на следующий... Ей непонятно, что я не ликую, когда совершился такой переворот в существовании.

Я не попытаюсь втолковать ей, что переворот вовсе не так велик и важен для меня. Ибо я-то себя погибавшим человеком отнюдь не считаю. Для меня вовсе не важнейшее значение имеет поддержание физического существования. Я живу не изо дня в день с главною заботою как бы прокормиться — у меня своя поставленная цель в жизни, путь бытия, намеченный вполне ясно и дающий мне большое счастье и такой безусловный покой, что для меня имеет очень второстепенное значение — приходится ли мне идти этим путем сытому или голодному, босиком или обутому. На «наклонной плоскости» я нахожусь, и по-моему; только подвигаюсь по ней не вниз, а вверх. Начат этот мой путь лет 9 назад — и продолжается для меня независимо от всего, что творилось за эти 9 лет — и вокруг меня, и со мною лично тем паче.

Да и перемена — что бы ни говорили — в моем существовании, пока не очень-то существенная.

Прежде меня прокармливали из милости Акулина, Антон, Х,

У, Z — теперь кормите Вы, а мною еще ничего не сделано, чтобы заслужить этот прокорм.

Но вот мне не хотелось бы, чтобы Вы сомневались в моей охоте это сделать — если только силы позволяют; попросту, если выживу.

Для большинства моих знакомых дело крнечно просто: «С голоду не только к коммунистам, к чертям наймешься, лишь бы накормили».

У меня оно так не обстоит.

К коммунизму причислиться — даже и умирая с голоду — я не найду для себя возможным, уже по религиозным убеждениям. В Коммунизм политически я не верю.

Многаго не приемлю и в идеале, теоретически; то, что приемлю — не считаю существенным в здешних условиях и с теми людьми, кот [ор] ым поручено осуществление. Еще менее верю в возможность скорого установления благополучного порядка (совершенно все равно, кем; теперь, здесь его никто создать не может ни через 2, ни через 3 года, ни через 7 лет...).

Идейный коммунизм глубоко уважаю как всякий идейный подвиг, но — «ой, братцы, мало вас; голубчики, не много!» — И — слишком я хорошо историю знаю. Да и многое иное. —

Но есть причины, по кот [оры] м я все-таки гожусь для вашего дела и оно для меня приемлемо в известном виде.

По совсем иным мотивам, чем социалистич [еск] ая теоретика — но я в ряде основных убеждений держусь взглядов, совпадающих с крайними социалист [ически] ми программами: я не признаю неравенства между людьми и для меня — действительно единственно, для всего существа моего — столь же может быть близким или чужим, дворник Евген как покойный Конст [антин] Конст [антиович] «К.Р.» И настолько это во мне сильно, настолько в плоть и кровь вошло, что во всех моих сношениях с «демократическими» элементами, — без всякого притворства и подлаживания с моей стороны, NB! — никто никогда не подозревал, что тоже «из антилигентов»!

...На рынках (и на теперешних подспудных торжищах) меня

часть моих знакомых считает вдовой солдата, другие женой рабочего с Путиловского завода (почему именно оттуда — не знаю!) — чем угодно, но только не из господ. И костюм тут ни при чем. Попадаются среди уличных продавцов «баре» гораздо более оборванные (честное слово! хоть это и трудно вообразить) нежели я. И их признать можно с первого взгляда... Иногда, разговорившись в аптеке и услышав, что у меня удостоверение из Книгоиздательства — спрашивали: «А ты там чем же у них? на кухне?» — «Нет, — говорю, — в рассыльных.» И это удивляло — как слишком высокая должность.

Для меня во всех есть только люди — с людьми я говорю, и людям хочу пользу приносить. Это одно. —

Другое: я считаю благом уничтожение частной собственности. У человека не должно быть личного имущества. Никакого. На этот счет мой взгляд «крайнее», чем у многих коммунистов (хотя и [неразб.] из совсем иных оснований — но выводы совпадающие).

Наконец: далеко не считая Советскую власть идеалом правительств, я не верю, с другой стороны, чтобы от ее свержения в России вышло бы (особенно теперь) нечто хорошее. Тем более не жажду захвата поляков.

Правда: все это во мне не остро, потому что на Россию я все-таки смотрю извне. Русского патриотизма во мне нет.

Мое тройное происхождение оставило мне атавистически тройное национальное чувство: украинское — еврейское — (как ни курьезно, но это так. «Бог Израэля владеет до 7го колена», и вместе с прекрасным выговором и на жаргоне и на древне-еврейском у меня врожденное чувство своих относительно «жидков» какого нет к великоруссам. И, между прочим, евреи это от лично чувствуют. В тех заботах, какие проявляют ко мне Левин и прочие еврейские друзья — и, долгое время, только они одни — сказывается бессознательно эта племенная еврейская черта: выручать своих. Я думаю, что Иоффе, вопреки всем рассуждениям о моих личных добродетелях, на самом деле заботятся обо мне следуя бессознательно этому же инстинкту...)

Третье чувство племенной принадлежности — и самое сильное, ибо тут еще и связь с наиболее мне близкою культурою, поэзией, музыкой — это, конечно, — немецкое. Любой немец мне а ргіогі, сразу и во всем, понятнее и ближе любого славянина. И никогда относительно немца не бывало у меня того глубокого недоумения, кот [ор] ое зачастую вызывают славяне, — в частности великоруссы — когда я, как перед загадкою, изумляюсь поступкам и психике совершенно для меня непостижимой, либо понятной только со стороны — как нечто глубоко чуждое. —

Но это все относится к чувству национальному; а на первом плане для меня просто человеческое. И человечески, для меня мои предполагаемые будущие ученики матросики — все понятны и близки, гораздо ближе и роднее, чем госпожа... как бишь ея? собирающаяся обучаться у меня французскому языку.

И раз мне ваше правительство дает возможность этим людям принести пользу — я за то возьмусь охотно, и думаю, что хлеб свой есть буду недаром... только бы опять-таки хватило сил.

Пока послание кончу, прибавивши еще одно. Я преспокойно принимаю тот факт, что Вы меня кормите, потому что надеюсь получить возможность возместить то, что для меня делается. Потерпите только, пока я свое отболею: если и на этот раз выживу — от меня еще получите много проку. Право.

А для меня поведение Кельпи¹ — порука, что Вы нас обоих приютили и питаете без всякой задней мысли и вполне от души... результат: ведем себя пренахально оба. Сознаю и за то прощенья прошу.

G.S.

¹ По-видимому, кличка собаки, слово прочитывается неясно.

3. ЗАПИСКА И. В. ЕГОРОВУ¹

Сотруднич.: «Нива», «Совр. мир», «Русск. муз. Газ.», «Больш. Энци. ловарь Брокгауза и Эфрона».

Газеты: «Новости (пр. Нотовича), «Полтавщина» и др.

Языки знаю:

вполне (как родные)

немецк., франц., итальян., украинск.

довольно хорошо

испанск., латинск., древн. скандинавск.

читать и переводить со словарем могу с

шведск., норвежск., датск., польского, португальск.

Писать на машине и на руках. Перевод. Корреспонденц.

— —

По новой нелепой орфографии писать в случае надобности могу вполне.

4. ПИСЬМА С. СВИРИДЕНКО К А. БЛОКУ

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку (апрель 1921 г.)²

Многоуважаемый Александр Александрович!

Уж верно не ждали письма от меня. Коли слышали от кого-нибудь, так знаете, что я, благополучно дойдя от совпеменного образа жизни до психоза (врачи мне деликатно говорили лишь о неврозе — но это ведь буквально «тех же щей да пожиже влей...») нахожусь на Удельной. Зная меня за человека решительного и чудаковатаго Вы вряд ли особенно удивитесь и свое-

¹ РНБ. Фонд 273. — №236.

² ЦГАЛИ. — Ф. 55. — Оп. 1. — №395. — Лл. 1 — 2 об.

образию моего поведения в данном случае: я здесь сколько мне известно, единственный пациент кот [ор] ый, во-первых, сам заметил у себя оный психоз, а заметив, пошел к психиатру, а по совету психиатра стал усердно хлопотать о том чтобы попасть в сумасшедший дом... Судя по виденному и слышанному мною – не многие столь усердно стремятся выбраться отсюда, как я усердствовала в стремлении сюда попасть (а большинство конечно доставлено «по интригам родственников», чаще всего обманом... Последнее, конечно, правда. И между прочим, ужасно это для больных – эта система обманного везения в сумасшедший дом. Хотя, конечно, как быть иначе?..)

Здесь мой невроз как врачи признают, миновал уже в первые недели (я тут с ноября) и меня отпустили бы на все четыре стороны охотно – но я то этого пока вовсе не желаю. Потому что, если мозги и нервы в порядке, зато легкия во всегдашнем весеннем состоянии, – т.е. в отвратительном виде, и для работы я пока что человек негодный. Средств же, конечно, никаких – и что касается имущества, то буквально нет даже рубахи. Итак, пусть здесь кормят меня (хотя здешняя кормежка сплошной голод) либо до выздоровления и возвращения работоспособности, либо до смерти.

И вот теперь откровенное объяснение моего обращения к Вам. В том же доме, где Вы и Ершов, живут Рубцовы – родственники здешней больной, часто возящие ей еду и проч [ее]; этот Рубцов охотно берется доставить и мне все, что ему поручат. Утопающий хватается за соломинку, а голодающий спятивший поэт – за всех собратьев, о кот [ор] ых знает, что они люди хорошие. Конечно, сознаю (мозги-то *настолько* несомненно в порядке) что это чудовищное нахальство с моей стороны просить Вас о помощи... сознаю, и стыжусь, и прошу простить меня; но если б Вы знали, какой кошмар – *чахоточный* аппетит (я помню его у покойного отца; это хуже нормального голода выздоравливающих) и *всегдашний* голод. Почти всем больным привозят пищу из дому – у меня-то «дома» нет; и они лишь как «подспорье» употребляют здешнюю еду... а эта еда – капуста,

картошка, капуста — вечером пол мелкой тарелки каши — за день кусок хлеба... по праздникам еда с запахом (и только) мяса... Конечно, все без соли и без намека на жир или масло. Разумеется, я не ополоумела до того, чтобы просить у Вас «жиров» или чего-ли настоящего». Но если б Вы могли уделить мне кусочек *хлеба* и — столь же важно — папирос и соли! Вы сами курите, знаете, как помогает табак *переносить голод*. Здесь одно мне спасение, когда перепадает покурить... а в промежутках голод доводит меня (буквально) до обмороков.

Голубчик, Александр Александрович, не сердитесь за нахальство мое — но пришлите мне, как бы мало ни было, чего-нибудь... Ведь для меня был праздник на днях — *найти кусок хлеба, объединенного мышами* под одной из кроватей. Можете судить о том, как буду благословлять Вас за все, что Вы смогли бы мне уделить! И еще... это тоже нахальство, но — *это* поймете без комментариев. Мне позволено здесь иметь книги, и есть кое-какая, но нет *Buch der Lieder*. Может быть найдется у Вас — оригинал, понятно — какое-нибудь издание, кот [ор] ое рискнете мне прислать?... Ведь это ... [...]

Всякое даяние доставить надо в вашем же доме. Офицерская 57, кварт. 2, Рубцову, для передачи мне Г.А.Свиридовой на Удельную. Отправляясь к матери он свезет и мне что надо...

В частности в эти последние дни и недели я голодаю ужасно (хуже чем «на воле» ибо нельзя и за подаянием пойти куда-либо!), потому что единственный знакомый, навещавший и подкармливавший меня — теперь сам заболел и не был уже 2 месяца. Помогите, ради Бога, если можете! И еще раз простите меня. Верьте, что я *сознаю* что значит такая просьба в наше время, отлично сознаю, но... голод пересиливает совесть. Простите и помогите.

С искренния приветом
Гильберта Свиридова.

Записка С. Свириденко к А.А.Блоку (1921 г.)¹

Александр Александровичу Блок.

Страшно спешу, успеваю лишь черкнуть сердечнейшее спасибо за все!

У меня праздник благодаря Вам!

G.S.

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку (1921 г.)²

Многоуважаемый Александр Александрович!

Извиняюсь за неразборчивость письма – строчу в темноте, хочу воспользоваться okazjiей, утром отправить письмо во-первых, еще и еще Вам спасибо! Благодаря Вам у меня был день без голода – впервые за весь месяц, и эта передышка форменно оживила меня; в особенности же папиросы, да еще хорошия! Ведь мне курить настоящих папирос – не 3й сорт – не доводилось с ноября. А с такими папиросами, как Ваши, это и от голоду спасение. Сегодня, когда я опять уже голодаю (обед – кислая капуста и суп с «запахом» крупы..... то же было и вчера, то же будет и завтра) – мне, благо могу курить, почти хорошо. И кашель не так мучит – благодаря все тем же папиросам.... Спасибо Вам!

Хоть Вы и говорите о «трагизме» моего письма, но это выражение, пожалуй, излишне сильно....

Я свое положение особенно трагичным не считаю.

Правда, я не заблуждаюсь насчет того, что в обществе – в Петербурге – моя жизнь кончена навсегда. Если я и не умру от своего туберкулеза здесь (вероятно, не умру – разве что голода не вынесу; отец такой же чахоточный всю жизнь, дожил до 75 годов) то всячески к прежнему существованию не вернусь. Я хорошо знаю, что пребывание на Удельной это – волчий паспорт, и по возвращении отсюда, несмотря на все свидетельства

¹ ЦГАЛИ. – Ф. 55. – Оп. 1. – №395. – Л. 3.

² ЦГАЛИ. – Ф. 55. – Оп. 1. – №395. – Лл. 4 – 6 об.

врачей о полном излечении — передо мною *закроются все двери*. Это я очень хорошо знаю; *знала и тогда*, когда решила и стремилась сюда попасть. Так оно и надо, так и к лучшему. Судьба, так судьба; искупление так искупление. Не надо было распускаться и расхля бывать свою волю — не было бы и «невроза» или психоза. —

Но для вовсе не такое уж лишение — уйти навеки из столичной жизни русского общества.

Давно уже тут кончено все для меня, — не здесь мои и симпатии и интересы, и жизненные цели. Если выживу, я навсегда уеду из России (и из Европы туда, где мне давно уже место, и где есть кому меня приютить. А средства уехать, даст Бог, найдутся.

Конечно, здесь довольно несносно сейчас — но исключительно по причине голодного брюха и других материальных неудобств.

Само собой, теперь трудно — но вот находятся же хорошие люди, пособляют.... Вы врядли даже представляете себе, что значит получить здесь такой дар, как посланный Вами. Когда человек в таком состоянии, как я; а именно в таком что вчера, при *виде* столового масла, принесенного одной больной, у меня сделался обморок (и не столько от голода, — я же третьяго дня сыта была — сколько от волнения и животной зависти человека, не выдавшего никакого масла и жира два месяца с лишком).

— Спасибо величайшее за книгу! Тут не комментирую ничего. Сами понимаете. — Конечно, если кто из писателей пособит мне, сделает хорошее дело. Быть может и захотят сделать это иные. Передайте, что прошу прощения если во время психоза у кого-либо из них мне случилось прожечь папиросой рукав, — либо стащить чайник, — либо запереть человека в чужой квартире.... все такие казусы со мною бывали, что я отлично помню; они-то и побудили меня в ту пору обратиться к психиатрам. Так вот, всех кто пострадал от подобных моих неменяемых поступков — прошу простить меня. (Даже не обещаю, что помру скоро! но уж авось простят живём; в их круг я ведь все равно не вер-

нусь.) А коли увидите Мих. Ал. *Кузмина*, такому передайте, что шлет ему спятивший (и по мнению врачей, вновь обретший разум) поэт сердечный привет, от всей души желая ему всего добраго в жизни и радуясь успеху его последней книги (мне увя неизвестной и недоступной). Я ему вероятно скоро напишу самому. —

Коли еще видаете «нашу Розу» передайте, чтобы не боялась за мой долг ей (9600 р.) умру ли, выживу ли, будет уплачено сполна.... А, кстати, может и она расщедрится мне конфетку прислать? Как бы хорошо это было! Без сахара и вообще сладкаго я томлюсь жестоко.

Ну, до свидания, добрая душа. Благодарю еще раз за все. И тепер с большей надеждой живу — хоть знаю, что есть от ко-го помощь.... может и скоро.... G.S.

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку от 3 мая 1921 г.¹

Многоуважаемый Александр Александрович, совестно просить Вас опять — а может быть смогли бы с тою же оказией хоть малость курева прислать? (Конечно, хоть не такого чудесного, как тогда... хоть 3^й сорт!)

Вы не думайте, что я «поважусь» докучать Вам часто — я тепер буду экономнее: тогда с голодухи не удержаться было, скоро выкурилось всё...

Уж простите назойливость мою, пособите ради Бога! Наверное завтра либо через день от Рубцовых придут опять сюда. Выручите. G.S.

А уж какое спасибо за книгу!

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку (1921)²

Пишу еще на всякий случай — если не дошли (либо оказия

¹ ЦГАЛИ. — Ф. 55. — Оп. 1. — №395. — Л. 7.

² ЦГАЛИ. — Ф. 55. — Оп. 1. — №395. — Л. 8.

была проблематическая) мои послания: одно письмо более или менее содержательное, а другое... Пренахальное воззвание голодного (и в праздник голодавашаго, ибо меня и в праздники никто не посетил)

Простите, мне так совестно кланчить у Вас, но сейчас я готов бы на паперти руку протягивать за подаянием, не стыдась. У нас теперь только еда: травяной суп и брюквенная похлебка — все на воде без соли. А теперь 3 дня были селедки, кот [ор] ых я совсем не могу есть, и три дня я свой обед отдаю, так что сейчас падаю от голода... И без папирос. Если б могли через Рубцова (кв. 2) хоть немного доставить, хоть худого сорта покурить — и спичек

Коли благодарности мои за прежнее не получили, еще и еще спасибо, особенно — за книгу! G.S.

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку (1921)¹

Многоуважаемый Александр Александрович, сознаю, что мои письма должны были Вам надоесть смертельно — и все-таки пишу, ибо доходит до последней точки моя телесная выносливость... *не* терпение, врать не стану: вытерпеть я *все* могу.

Голод здесь наступил такой, что множество выздоравливающих вновь заболели психически — на почве голода. И то и дело переводят от нас кого-нибудь на отделение «буйных», ибо от голода шалеют люди. (со мной этого не будет, знаю... но — —!)

Теперь отменено в обед второе блюдо: мы получаем, всего на всего, по мелкой тарелке супа — одну в обед, одну вечером. И 1 / 4 ф. хлеба «в обед». Утром не кофе, а кипяток. И это все. Суп обычно из крапивы на воде и без соли. Говорить нечего. И сахару, кот [оро] го прежде давали по чайной ложке, теперь тоже больше нет.

¹ Там же. Лл. 9 — 10.

Я распространяюсь об этом потому что **знаю** насколько и в городе трудно Вы, пожалуй, по доброте душевной подумаете: чем послать мало, лучше не послать вовсе. Но при таких условиях Вы должны же понять, что сколько бы мало ни было, *что бы ни было* – это будет для меня благодеяние. Едва смею просить, но если бы хоть кусочек какой-либо домашней пищи, хоть ложку каши, корку от лепешки; меня измучила здешняя крапивная вода. От голода делаются обмороки – и «суп» этот съедает жадно, а потом от него все нутро переворачивается... И – папирос бы... Ради Бога, хоть что-нибудь, Я знаю, что Вы хотели послать картошки – и везти ее не захотели из-за тяжести; но легкую посылку мне доставят, сами опять предложили. Боже мой, я картошки не вижу уже больше месяца... да хоть бы шелухи картофельной прислали, и то обрадуете бесконечно. Фунтов 5–6 всегда доставят мне; но даже за 1 / 16 ф. хлеба я благословлять буду Вас.

Чтобы хоть немного поразнообразить содержание моих докучных посланий, присоединяю Вам свои стихи...

Это стихотворение – здешнее, недавнее. Но начните читать, не взирая на хронологию, с него, ибо по иоему оно хуже прочих: только верно изображает мое самочувствие.

В больнице

Бессонная ночь, одинокая ночь...
Так тянется долго, так долго она!
И нечего ждать, и ничем не помочь –
Томительна ночь без отрадного сна.
Надорвана кашлем усталая грудь,
И тяжесьб ее, словно камень, гнетёт.
Хотелось бы полно, глубоко вздохнуть –
Незримое бремя вздохнуть не дает.
Недугом измучена слабая плоть
Все тело бессильно – не двинуть рукой...
Но тихо в душе. Ниспослал мне Господь

Ценнейшее благо: великий покой.
От мук и сомнений свободна душа,
И власть обрела в себе воля моя.
И сердце постигло, что жизнь хороша –
И духу открылась краса бытия.
В свершениях мира нашел я свой путь
И знаю, что вышняя силы велят...
Так что до того, что надорвана грудь,
Что тело без силы, и члены болят!
Привык выносить я телесную боль,
А скоро навек от нея излечусь:
Когда покидая земную юдоль
Я в мир запредельный опять возвращусь.
Страданьем моим искупаю я грех –
И помыслов бунт, и желаний тщету
Я чистым, свободным от уз и помех
В загробной отчизне себя обрету.
Там сгинет страданье, и грех отпадёт:
И в Божий чертог я смиренно вступлю.

II.

Смежи свой взор для жизни тленной
Замкни для звуков мира слух;
В единстве с божьею Вселенной
Сознай божественный твой дух.
Склонись к последнему порогу
В твоей душевной глубине –
И будь один, внимая Богу
В неизреченной тишине.
Свободен стань от гнета тела,
Сбрось узы темная земли;
Из заповедного предела
Глаголу вечному внемли.
Сквозь мировое раздвоенье
Твое единственное я

Почует дивное биенье
Единой нити бытия.
Отвергнув призрачность явлений,
В священный миг познаешь ты
Причинность всех осуществлений,
Все глубины и высоты.
В разнообразности свершений
Великой жизни мировой
В кругу начал и достижений, —
Найдешь ты путь извечный свой.
Поймешь, что в связи неизбывной
Ты со Вселенною — одно,
И в цепи жизней неразрывной
Неотторжимое звено...
И станет истиною цельной
Все то, что ты постигнуть мог;
И в лоне тайны запредельной
Тебе свой лик откроет Бог.

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку (1921 г.)¹

Добрейший Александр Александрович
Адски спешу только два слова. Мне говорили, что Вы собирались послать (простите, коли спутали).

Ради Бога!...

Нам теперь дают здесь только суп (крапива или брюква на воде без соли)...

Хоть что-нибудь, и хоть чуть хлеба — и *папирос*. [В сноске: Не думайте, что у меня есть оне если говорит Рубцов: те до меня не дошли, долго объяснять почему. Я без папирос и без спичек погибаю.] [...]

Я получила от Вас всего один единственный раз посылку; общаю на случай какого недоразумения.

¹ ЦГАЛИ. — Ф. 55. — Оп. 1. — №395. — Л. 12.

Простите!
G.S.

Письмо С. Свириденко к А.А.Блоку (1921 г.)¹

Спасибо большое!

Получила целое богатство (3 коробки гильз и табаку!) Дивлюсь только, что никакой записки... или рассердились на меня за надоедливость?

Простите, ради Бога. Я посылала Вам 2 больших письма — не знаю, получили ли. После такого подарка, как табак [нрзб] боюсь и напоминать еще раз о еде... хотя — если б Вы знали, что тут делается, с тех пор как все наше пропитание — тарелка кропивного супу в день! Больная, никогда не воровавшая, стали таскать хлеб (нашу злосчастную четвертку). Одна, никогда не имевшая «кальфагии», вообще недавно еще нормальная, вчера проявила склонность [pardon!] есть испражнения... Словом, кошмар. Так что, если б хоть чего-нибудь [нрзб] могли Вы найти для меня, хоть шелуху картошки, но главное теперь есть табак — этим Вы меня спасли, с ним вытерплю и голод

Спасибо еще!
G.S.

¹ ЦГАЛИ. — Ф. 55. — Оп. 1. — №395. — Л. 14.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

С. СВИРИДЕНКО

КОЛДУН¹

РАССКАЗ ИЗ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ЖИЗНИ

Словно гриб, выросла хижина колдуна посреди громадного древняго леса: ядовитый, неприятный на вид гриб, — островерхий, серовато сизый, с длиною седою бахромою по краям острой кровли, казавшейся шляпкою гриба. Она выглядела так оттого, что странные, лиловато серые мхи, не росшие нигде в другом месте, сплошь покрыли кровлю, сложенную из речной осоки, и свисали по краям легкими сизыми космами. Еле видно было под ними крохотное окошечко с тяжелою ставней. Покосившаяся дубовая дверь вросла в землю. Вся хижина, точно припугнутая чем-то, жалась к земле, к травам и мхам — словно боялась, что ее растопчут косматыми ногами угрюмые лесные великаны, со всех сторон теснившиеся вокруг нея, и протяжно шумевшие день и ночь своими густыми вершинами... Так же как хижина, держался ея хозяин, колдун — ёжась, крадучись, тоже как будто боясь быть растоптанным.

Но он боялся не деревьев лесной чащи, а людей, приходивших туда. А эти люди боялись его. И он давно уже привык, что все, молодые и старые, всегда, неизменно, выказывали по отношению к нему только страх и нелюбовь. Даже когда у него просили услуг; даже когда приходили за помощью. Даже когда пла-

¹ Печатается с сокращениями по авторизованной машинописи из архива редакции журнала «Нива», хранящейся ныне в РГАЛИ (ф.335, оп.1, ед. хр. №296).

тили ему за эту помощь подачками — порою скупыми, часто щедрыми, потому что германское племя любит давать и одаривать — но всегда бросаемыми с презрением, как нечистому животному.

Колдун был очень безобразен. Мать его родилась среди лапландцев, и от нея унаследовал он раскосые глаза и черные волосы — гладкие, прямые, блестящие, с некрасивым зеленоватым отливом. Отцом был финн, и от него сын получил тяжелое, угловатое тело, широкия скулы и крупный рот с мелкими рыбьими зубами. Тупой короткий нос сидел не прямо посередине лица, а чуть ближе к правому глазу, который был выше левого. И левое плечо было выше правого, а правый бок выдавался вперед. Весь человек казался перекошенным. Морщины бороздили дряблую землисто-бледную кожу лица — такую, какая бывает, согласно поверию, у подземных карлов, не выносящих солнечных лучей. Неровная, редкая чёрная брови всегда были наморщены, всё лицо хмурилось злобно и недоверчиво. Впрочем, если бы подойти ближе и заглянуть в глаза — можно бы увидеть, что они смотрят вовсе не зло; желтовато-серые, маленькие, печальные, они напоминали те глаза, которые бывают у очень добрых и очень забитых собак... Только никому не приходило в голову присматриваться к глазам колдуна. А он почти всегда потуплял их, говоря с кем-нибудь.

Разговаривать с людьми ему приходилось не очень редко, несмотря на то, что он поселился в лесной глуши. Раньше он пробовал жить среди людей, в селении. Ему грозили, дважды поджигали его лачугу. Наконец пригрозили, что живьем сожгут в ней его самого, если он не оставит селения.

Он перебрался в лес, далеко от людей. Тогда люди стали приходить к нему...

У него просили целебных трав против болезней. Наговоров на оружие, укрепляющих мечи и копья, делающих щиты и брони непроницаемыми для ударов. Волшебных трав против порчи. Заклятий против пожара и наводнения... И ещё многое, многое другое приходили получать от него — многое, без чего люди

не могли жить, но чего не умели делать сами и что ходили выпрашивать у ненавистного колдуна.

Так всегда было... или, по крайней мере, очень давно. Смутно помнилась колдуну далёкая пора — когда его безобразное тело было отрочески худощаво, а руки слабы. Тогда он жил на родине, в земле Суоми, среди людей, которые не были враждебны ему. Пришла война; его взяли в плен из разорённого селения, со всеми другими. Его увели могучие светловолосые воины в сверкающих бронях, потом увезли на корабле — далеко, далеко; так ему казалось... Он стал невольником у одного из них; этот человек был добр к нему, не бил, кормил досыта, а под конец отпустил его на волю в народном тинге — в годичном вече. Он мог бы вернуться на родину; но не смел и не умел за это взяться. Сторона Суоми была далеко — он позабыл, где; он не знал, как попасть туда... За долгия зимы в чужбине он оторвался от родной земли. Его робкая косная душа не осмеливалась идти своим путём, уйти из враждебного и чуждого мира, куда забросила судьба. И не легко было в те давние годы переходить из края в край одинокому, тихому духом человеку. Долги были пути, далеки были племена друг от друга... Он остался.

С тех пор, как его отпустили на волю, он занимался тем делом, которому начал учиться ещё у матери — а потом, по природному влечению, продолжал учиться один; и другая мать помогала ему — великая древняя Мать, которая ласково дышит в лесной тишине, и плачет холодными летними росами, и осеннею ночью грозит тысячезвучным голосом бури... У этой Матери нашёл он приют, когда люди вытеснили его от себя. И проводил своё время над корнями и травами, над курами и варевами — ища во всех них того, что исцеляло и что губило; что унимало боль и что причиняло ее. Он не для людей заботился об этом — он не сумел бы сказать: для кого и зачем... Но к этому влекло его всегда, и оно наполняло его жизнь.

Он врачевал и гадал; и колдовал... он чуял тайные силы, неведомая людям силы древней Матери — и терпеливо выпытывал их у трав и корней, у камней и мягкой земли.

Зимы проходили за зимами, и всё новые морщины ложились на скуластое лицо колдуна; и всё новые седые космы мхов свисали с краёв старой кровли над его хижинкой — а хижина глубже и глубже вросла в землю, в мягкую, мшистую, влажную землю древнего леса...

— — — — —

Был вечер. Алая заря обливала лучами стволы деревьев — слабыми, мелкими лучами, просеянными сквозь густую лиственную чащу, точно измельченными в дождь румяных искр...

Тихо было на прогалине, где ютилась хижина колдуна. И вдруг тишина нарушилась бегом и криком и шелестом лёгкой одежды: девушка прибежала к хижине и, задыхаясь, упала у порога.

Колдун вышел и наклонился над нею. Она вздрогнула и подняла нежную белокурую головку с большими испуганными глазами, карими и кроткими, как у лани. Перевела дух с усилием и простонала:

— Колдун, помоги мне! —

Он спокойно спросил своим тихим тонким голосом:

— В чем помочь?

Но она молчала и дрожала. И когда растрепавшиеся пышные волосы колыхались на её головке под отблеском зари, они казались волнами золотистого пламени.

— В чем помочь, девушка? — повторил колдун. — Змеиные зубы повредили тебе тело? Или ты поела злых ягод с волчьих кустов?

— Нет, нет... — с тоскою ответила она.

— Ты увидела страшное в лесу? — продолжал он расспрашивать; медленно, спокойно. А сам глядел на её волосы, и думал о том, как они красиво горят в вечернем свете: никогда ему не случалось раньше заглядывать на человеческие волосы — но эти были непохожи на все остальные.

— Ах, нет!.. — сказала девушка. И вдруг вскочила, задрожала, и схватила его за руку.

— Колдун, колдун, спаси меня! — закричала она громко.

Не понимая, он глядел на неё. А она озиралась по сторонам, как загнанный зверёк, потом опять посмотрела на него, увидела, что он не понимает, и сказала быстро:

– Спрячь меня! –

Но ему всё ещё было непонятно, и он в раздумьи покачал головой. Можно спрятать золотые кольца, можно спрятать редкий корешок: но как спрятать девушку?... и зачем?

Он опять глядел на её красивые волосы, и тут заметил, что по плечам её трепалось длинное покрывало, на бегу соскользнувшее с головы и разорванное лесными кустами. Он вспомнил, что такая покрывала люди германского племени надевают в день брака на головы невест. Тогда он присмотрелся; и заметил, что на девушке нарядная голубая одежда; серебряные змеевидные запястья обвивали её обнаженные белые руки, ожерелье из дурых золотых трубочек блестело на шее. Колдун снова покачал головой.

– Я отдам тебе мои запястья, – торопливо заговорила девушка, по-своему истолковав его взгляд, – я отдам тебе мои ожерелья... только спаси, спрячь меня!

Колдун начал догадываться, и испугался.

– Кто хочет взять тебя, девушка?

– Они, они... – испуганно ответила она, – мои родичи... братья, дядя... они хотят отдать меня рыжему Эйнару. Я боюсь его! я пришла к тебе, колдун... укрой меня...

– Девушка, девушка... – сказал он робко.

– Я останусь у тебя, – продолжала она торопливо и умоляюще, – я буду работать в твоём доме... я буду прясть и шить для тебя, как служанка... только защити меня от них.

– Девушка, девушка... – повторял он растерянно, покачивая из стороны в сторону своей безобразной головой.

Она говорила ещё, говорила много слов, но он не слышал их. Из всего, что она сказала, у него ясно прозвучало в голове только несколько слов: «я боюсь его... я пришла к тебе... я остаюсь у тебя.» Эти слова он продолжал слышать и тогда, когда она стала говорить уже совсем другое: и дивился, и не мог надивить-

ся их смыслу. Так странно было, что девушка из селения боялась кого-то больше, чем колдуна; что к колдуну пришла она просить защиты, — точно считала его человеком; добрым, сильным человеком, который мог помочь ей — против других людей!... Разве он в силах был что-нибудь сделать? Он мог спасти от змеиного зуба, от звериных когтей, от ядовитого сока лесных растений... Но от людей? Он не знал таких чар, которые предохранили бы от людской жестокости и своевластия...

Колдун думал обо всём этом, и смотрел на девушку. Заря померкла и ея волосы больше не сияли над головкой огнистым золотом; но теперь ему казалось, что сияют ея глаза, большие кроткие глаза молодой лани. Его удивляло: откуда блеск в ея глазах, когда кругом уже становилось темно?...

Колдун хотел сказать: «Я не могу тебе помочь, я не смею принять тебя в свое жилище... Твои родичи узнают, что ты здесь, они приведут сюда всех своих соседей. Сильные люди отнимут тебя, и убьют колдуна за то, что он осмелился тебя защищать... и сожгут его хижину... Может быть, убьют и тебя из мести, в наказание... Уходи отсюда, уходи скорее!»

Он хотел сказать это, но молчал. И смотрел на девушку, которая стояла перед ним, нежная и бледная, как белый весенний цветок, и говорила жалобные молящая слова звонким и певучим голосом, похожим на ласковый плач ручья... Он не разбирал смысла ея слов, а только вслушивался в мягкий певучий голос, и ему становилось мучительно жаль беглянки, которую приходилось прогнать, отказав ей в желанной помощи... Это было ново для колдуна; до сих пор он всегда исполнял то, о чем его просили, — по крайней мере, пробовал это делать. Не то что бы ему всегда жаль было тех, кто прибегал к его помощи; по большей части они были ему безразличны. Иногда опасны и противны. Но он привык всегда браться за то, чего от него требовали, он не умел поступать иначе...

Когда девушка замолчала, он вздрогнул. И опять хотел сказать: «Уходи скорее, я не могу помочь тебе!»... Но он встретил испуганный взгляд больших печальных глаз — и сказал совсем

другия слова, такая, которых не ожидал от себя:

— Войди в хижину! Я попробую сохранить тебя от них.

И, говоря это, он сам дрожал от страха, и его раскосые глаза жалко мигали сморщенными веками...

Колдун натаскал в хижину кучу мягкого камыша с берега лесной речонки, протекавшей в нескольких шагах; он устроил у очага мягкую постель. На очаг он поставил деревянную чашку с молоком, которое только что перед тем выдоил от своей козы, глиняную плошку с лесным мёдом, недавно вынутым из дупла; положил краюху ячменного хлеба... Его огорчало, что он не может больше ничего дать на ужин своей гостье; но больше никакой снеди не оказалось у него в хижине. Потом — он достал лучший свой нож, ещё отцовский, с детства сохраненный им — с бронзовым лезвием, с каменной, украшенной янтарём рукояткою — и тоже положил его на край очага.

У очага, на дубовой узкой лавке, сидела девушка; догоравший огонь освещал её, неровно полыхая красными лучами. Опять сияли её волосы и глаза; и колдун дивился тому, как стало светло в темной закоптелой хижине с тех пор, как она сидела тут.

Он сказал, указывая на очаг:

— Поешь. После ляг отдохнуть сюда: камыш мягкий. Я каждый день буду приносить свежего для твоей постели. —

— Благодарю тебя, колдун... пусть тебя сохранят боги!

Он подумал: «Сохранят ли меня боги от твоих родичей?.. Боги вашего племени, пожалуй, не захотят помогать финну... А наши боги?... они так далеко, они в нашей земле Суоми... услышат ли они, когда я буду звать их?...»

Ему опять стало страшно, но он старался не показать этого и спокойно вымолвил:

— Я лягу у порога и буду стеречь тебя. —

Ему хотелось сказать ещё что-то, прежде чем уйти, но он снова залюбовался на сияющие волосы девушки, и молчал, стоя на месте и медленно, по привычке, покачивая безобразною го-

ловою.

Потом негромко спросил:

— Как тебя зовут, девушка?

— Ирса. —

Колдун вышел из хижины, взяв с собою старую истёртую медвежью шкуру, служившую ему постелью, и разостлал её на земле, у порога притворенной двери. Тут он и улёгся, чтобы провести ночь.

Он не засыпал, и дрожал от страха, вслушиваясь в знакомый шум леса. Он ожидал, что вот-вот раздадутся угрожающие человеческие голоса и звон оружия, покажутся факелы — и явятся люди, которые убьют его...

Но никто не приближался в эту ночь к жилищу колдуна.

Тихие туманы в серебряных одеждах выступили из чащи деревьев навстречу восходившему месяцу и сошлись на прогалине в лёгкий плывучий хоровод. Зеленовато серебристый свет месяца озарил туманы и углубил чёрные тени в густых зарослях. Ночные бабочки стали кружить над сонными кустами, трепыхая своими большими мохнатыми крыльями. Беззвучно залетали чуткия ночные птицы.

Маленькие подземные человечки вылезли из своих норок и засновали бесшумно по узловатым корням вековых дубов и ясеней, зашныряли между высокими пышными травами — лёгкие и проворные, как земляные пауки. Водяная дева показалась у берега речки, почти скрытая высокими камышами, и медленно расчесывала янтарным гребнем свои длинные волосы, тёмно-зелёные, как подводные травы. Где-то очень далеко пронёсся по лесу вой волка-оборотня, печальный, полуволчий, получеловечий голос, и замер среди равномерного, певучего ропота леса... Из глубокой трущобы, из непроходимых зарослей глухо ответило ему сонное ворчание старого дракона, жившего в тёмной бездонной пещере, в глубине которой хранились веками накопленные золотыя сокровища...

Люди не показывались.

Тихо проходила прекрасная летняя ночь — таинственная,

почти тёмная, какою она бывает в конце месяца жатв, медленно скользила она по лесу, шелестя своими длинными одеждами, принося своим прикосновением благоухающую свежесть земле.

Проходила и прошла ночь — и никто не явился к колдуну.

В час предрассветной мглы он поднялся, отряхнул ночную росу с своей одежды из чёрных овечьих шкур, и уселся на корточках у двери. Он не смел отворить её и войти.

И когда мгла рассеялась и все ночные существа скрылись в свои тайные, неведомые людям обиталища, когда в солнечной колеснице понеслась по небу светлая богиня Сунна, красавица со сверкающим щитом, и первый луч, тонкий и острый, словно огненное копьё, пронизал лесную чащу — тогда вдруг распахнулась низкая дверь хижины, так быстро и легко, как не умели отворять её руки колдуна, и на пороге показалась Ирса, в венце своих золотистых волос, молодая и чудесная, как лесное утро...

— — — — —

II.

Ни в тот день, ни в ближайшие дни, никто не пришёл к колдуну за Ирсой. И это было на счастье ему и девушке. Если б её убежище открыли тотчас же после бегства — после того несчастного брачного торжества, когда невесте, уже наряженной и украшенной для обряда, удалось тайно ускользнуть из селения — тогда, наверное, рассерженные родичи и жених, самовластный, крутой нравом вождь, беспощадно убили бы не только колдуна, а и беглянку. Но на её след напали не сразу. С богатого двора дяди, где Ирса, рано лишившаяся отца и матери, вытосла вместе с братьями, девушке посчастливилось добраться до реки; там она второпях отвязала от берега чёлн брата, вскочила в него, и дала нести себя по течению, очень быстрому в этом месте. Она не знала, куда ей направиться, она не обдумала ничего, в ней была только одна мысль: бежать, куда угодно, — лишь бы спастись от угрожавшего ей брака. Она решила, что бросится в воду, если увидит погоню за собою. Погони не было — в доме думали, что невеста ещё наряжается в женских покоях. У опушки леса, на повороте

реки, челн прибило к берегу. Тогда Ирса, при виде леса, вспомнила про колдуна. Она никогда не видала его, и дорогу к нему знала только понаслышке. Но она помнила, что найти эту дорогу очень легко: стоило только всё время идти вверх по течению маленькой лесной речёнки, которая как раз неподалёку впадала в реку – и в конце концов нельзя было не прийти к той прогалинке, где стояла хижина колдуна... Правда, это было далеко – очень далеко – и колдуна Ирса боялась по рассказам. Но своего рыжебородого жениха она боялась ещё больше; и в селении никто, никто не согласился бы укрыть её против воли родичей... это она знала... И она решилась искать прибежища у колдуна. Она выскочила на берег, и изо всей силы оттолкнула чёлн, который снова поплыл по течению. Долго, до самого вечера, пробиралась она по лесу; стараясь ни на шаг не удаляться от путеводной речки – то бегом, то едва передвигаясь, когда силы изменяли ей, то снова принимаясь бежать... К закату солнца она добралась до жилища финна...

Миновало много дней, пока родичи Ирсы узнали, где она находится. Увидев пропажу челна, стали искать её по течению реки; искали долго, потом начали думать, что она утонула.

Уже близилась новая смена месяца, когда старая женщина, пришедшая к колдуну за целебной травой, увидела на пороге хижины Ирсу. Девушка хотела спрятаться, но было поздно. Вернувшись в селение старуха тотчас же, задыхаясь от удивления и ужаса, рассказала всем кого только встречала – и прежде всего родичам Ирсы – о неслыханном деле: пропавшая невеста находилась у колдуна!...

Случилось так, как колдун ожидал. Родичи собрали соседей и отправились все вместе в лес, за сбежавшей девушкой.

Колдун услышал их приближение и вошёл в хижину, где сидела Ирса, занятая починкой своей одежды: край голубого подола оборвался и она пришивала его толстою иглою из рыбьей кости, нашедшейся у финна.

– Ирса, они идут – произнёс он чуть слышно. Его сморщенное лицо побледнело, стало ещё более землистым. При его сло-

вах Ирса вздрогнула и выронила иглу. Расширившимися от ужаса глазами она уставилась на дверь.

— Я выйду к ним, — сказал он дрожащим голосом, — ты погоди.

— Нет, нет! — вскрикнула Ирса, — не ходи! останься у очага, очаг святое место... тут они не убьют тебя — а там — за порогом... —

Он тяжело перевёл дух:

— Тут будет так же, девушка... мой очаг не святой для них — очаг финна!... Нет... лучше их встретить. —

Он дрожал всем телом, говоря это; но всё-таки, не медля ни мгновения, повернулся и вышел.

Пришедшие уже окружали его хижину.

Он увидел то, что ожидал — блестящие топоры, копья, рогаатины, на некоторых даже чешуйчатые брони; русые бороды, светлые кудри на обнажённых или покрытых шлемами головах, могучия руки, готовые для ударов, и грозные, разгневанные лица... Многие из этих лиц были ему знакомы — но теперь, от растерянности и страха, он не узнавал ни одного.

Съёжившись, сжавшись более обыкновенного, он остановился у порога, сиюсь не дрожать, ожидая первого удара...

Но удара не последовало. За истекшее время гнев успел остыть у жителей селения. Если бы дело было тотчас после бегства Ирсы — они, без сомнения, с места накинулись бы на колдуна и убили его.

Теперь им стало уже не так к спеху отомстить.

Они начали с угроз и криков.

— Вот он, лесной чародей!

— Вор!

— Хитрый сын!

— Погоди-ка, оборотень!

— Финн проклятый!

Колдун стоял, опустив голову, потупив глаза и ждал, что они станут делать с ним.

Вперёд выступил дядя Ирсы, Торвин — коренастый седобо-

родый старик в серой шерстяной одежде, с медвежьим мехом на плечах, в железном шлеме, украшенном воловьими рогами. Остальные замолчали, чтобы дать ему говорить.

— Финн, — вымолвил он густым, раскатистым голосом, уставив на колдуна большие, сердитые голубые глаза, — ты спрятал у себя девушку из моего дома, Ирсу, дочь Альфра, невесту вождя Эйнара?

— Да, — ответил колдун внятно. Его голос звучал глухо, но не дрожал.

Пришедшие ответили общим взрывом гневных криков. До сих пор многие из них ещё сомневались, что узнали правду от старой Оддни. Мало ли что иной раз померещится в лесу выжившей из ума старухе!... Но тут оказывалось, что ничего не померещилось: преступная невеста, сбежавшая в день брака, дерзко противясь воле своих родичей и самих богов, освящающих брачные договоры — действительно ушла сюда, в лес, к иноплеменнику, безобразному колдуну!... Угрозы и брань возобновились, руки сжались вокруг древков и топорещ, многие подняли оружие...

— Тише, соседи! — остановил своих спутников Торвин, — сперва узнаем всё, как было. Говори, колдун, как попала к тебе девушка?

Финн заговорил, и его глухой тонкий голос звучал, по-видимому, спокойно:

— Девушка прибежала ко мне вечером, меньше двух девятидневий тому назад... она сказала, что ея хотят насильно отдать в жёны одному из вас... я не знаю, кому... Она просила, чтобы я пустил её жить в моё жилище. С того времени она живёт здесь. —

На мгновение наступило молчание. Потом старик спросил угрожающим голосом:

— И ты взял у нея ея запястья и ожерелье?

— Нет. Все ея украшения остались при ней. Я дал ей берестяной коробок, куда она положила ожерелье, а запястья всегда надеты не ней.

— Ты давал ей волшебные напитки, чтобы заставить её остаться у тебя?

— Нет. Она сама просила, чтобы я пустил её.

— И ты не творил над нею заклинаний?

— Нет.

— Не окурил её зельями, не очертил волшебными знаками?

— Нет.

— Так я и поверю!... Как же она могла решиться поселиться с тобой, с уродом, с чародеем?!..

Колдун ответил тихо и кротко:

— Она хотела спастись от человека, которого она боялась... Ей больше некуда было прийти. Только в реку, к подводным духам, или ко мне. Она боялась смерти и боялась того, кому вы отдавали её — и она пришла в моё жилище. —

В сущности, пришедшие не имели основания сомневаться в словах колдуна. Ни для кого не было тайной, что Ирсу насильно выдавали за буйного, прожившего уже пять десятков зим, богача Эйнара, — который в эту пору стоял тут же и слушал, с багровым от гнева лицом, слова колдуна. Лучше чем кто-либо, ея дядя и братья знали, как страстно желала девушка спастись от этого брака. Но отправиться к финну!..

— Что ж, — закричал один из братьев Ирсы, возбуждённо подступая к колдуну, продолжавшему неподвижно стоять у порога, — ты, пожалуй, без всякой ворожбы заставил светловолосую красавицу разделить ложе такого уродца, как ты, и гладить твои грязные пальцы?... —

Прежде чем финн успел что-нибудь ответить, дверь хижины распахнулась, и Ирса переступила через порог. Она была бледна, как мёртвая, и большие глаза ея блестели. Всё время, пока перед хижинию вёлся разговор с колдуном, она стояла за дверью и подслушивала; и когда до ея слуха донеслось позорное обвинение из уст брата, она, позабыв свой страх, вышла к преследователям.

— Ты лжешь! — закричала она брату, и ея певучий голос звенел от негодования. — Колдун не касался меня! Он меня читил,

как если бы я была дочерью его матери. Его глаза даже не видели меня на ложе: все эти ночи он спал либо у порога хижины, либо в боковой клетушке, где стоит его коза... Именем Фригги, высокой хранительницы брака и очага, я клянусь вам: я чиста. —

— Мы тебе верим, славная девушка! — закричал из толпы воинов звучный молодой голос.

— Верим, верим, — повторили многие, хотя и не так дружелюбно, как тот, кто кричал первым.

Действительно, достаточно было увидеть рядом колдуна и Ирсу, чтобы возможность близости между ними представилась дикой, чудовищной, совершенно отказывающейся войти в сознание.

— Я бы и без клятвы не поверил тому, что Асвин выдумал, — вмешался другой брат Ирсы, похожий на неё светловолосый с тёмными глазами, — красавица сестра так же подходит в подруги этому уроду, как белая лебедь кроту... —

— Ну, да! — со смехом подхватил тот же звучный голос, который давеча первый крикнул. — А Эйнару она подстать... как лебедь быку. —

Некоторые из воинов засмеялись, а Эйнар схватился за меч, обернувшись в ту сторону, где стоял шутник. Это был молодой витязь Сигурд, могучий красавец с телом исполина и детскими глазами, голова которого, в густых золотистых кудрях, оказывалась выше всех шлемов, видневшихся поблизости от него.

Широкоплечий рыжеволосый Эйнар был рассержен насмешкой — но так как Сигурд умел одной рукой согнуть толстую железную полосу и мог нести на своих плечах молодого коня, что было всем известно в селении, то Эйнар предпочёл пока не заводить ссоры с ним, и сдержался.

Между тем, дядя девушки обратился к ней:

— Как ты смеешь, дерзкая девчонка, призывать имя Фригги! Богиня брака отвернулась от тебя, она накажет негодницу, которая убежала от родичей, выбравших ей мужа и принявших за неё выкуп звонким серебром!...

— Я не провинилась перед нею, — смело ответила Ирса, — я

ещё не дала обета Эйнару, и обряды брака не соединили нас.

— И ты сбежала к финну!

— Я живу под его кровом, как жила бы его сестра. Богиня не может гневаться за это. —

Ирса заметила, что многие глаза становились менее враждебными, глядя на неё; особенно у молодых.

— Всё равно, — круто оборвал Торквин. — Теперь конец твоему прятанью и бабьим причудам. Ты пойдёшь с нами... а этого кудесника мы навсегда отучим прятать в своей берлоге наших девушек. —

Ирса задрожала. И как ни был силён её страх за себя, но ужас охватил её, когда она подумала об участии, ожидавшей колдуна. Ей стала нестерпима мысль, что этот человек погибнет из-за неё. И, повинувшись внезапному самоотверженному порыву, она хотела кинуться вперёд, упасть на колени перед этими людьми, и умолять их пощадить колдуна — несчастного, ни в чём не повинного — а её взять... с нею сделать всё, что угодно!...

Но финн заметил её движение, и остановил её.

— Стой, девушка, — сказал он тихо.

Он, по-видимому, успел вполне справиться со своим страхом. По крайней мере, этот страх уже ничем не проявлялся наружу. После того, как появилась Ирса, он успел украдкой оглядеть пришедших людей. Он увидел, что на лицах их не было той нерассуждающей ярости, которая делает вооруженную толпу способною на любое злодеяние. Многие лица выражали больше любопытства, чем злобы. Иные — были сурово равнодушны. Иные — как молодой Сигурд — даже с участием смотрели на Ирсу. Мало того: в некоторых он замечал беспокойство, почти боязнь. Он заметил, что многие держали зажатые в кулак пучки колосьев и ветки черёмухи — очевидно, чтобы предохранить себя от чар... И сам дядя Ирсы всё время не отнимал левой руки от священного знака, висевшего на ремешке у него на шее: маленького костяного изображения громового молота бога Тора. Очевидно, и этот человек втайне опасался чар финна.

И в то мгновение, как Асвин и другие с угрожающим видом

двинулись к нему, он быстро попятился к двери — но, вместо того, чтобы скользнуть в хижину, вдруг, мгновенно, присел на корточки, подняв обе руки над головою.

Подошедшие поняли: — словно под действием невидимой силы, они отпрянули назад.

— Не колдуй, проклятый! — закричал Асвин, поднимая топор. Но голос его звучал неуверенно, и он тоже остался стоять на месте.

— Я не колдую, — сказал финн протяжным, тонким голосом, более звонким и слышным, чем тот, каким он говорил обычно, — я ещё не колдую... я не хочу вам зла, люди! Но нехорошо будет, если вы убьёте колдуна... —

Не меняя положения, не поднимая глаз, он продолжал нараспев, слегка качая головою:

— Нехорошо бывает в доме у тех, кто причинит зло колдуну... Тёмная птицы с костяными крыльями летают ночью и гасят огонь в очагах!... Бойтесь болезни, бойтесь озноба, бойтесь холодной силы земли!... Есть такое, что тихо войдёт к вам — если вы убьёте колдуна — войдёт без двери, войдёт без окон... и обгрызёт то, что не зарастёт; и ранит то, что не заживёт. Придёт, и поселится, и будет жить у вас, и вам не даст жить... У тех, кто убьёт колдуна, заведётся в доме тайное и тёмное; и будет осушать мёд из ваших рогов, и сдует румянец с ваших лиц... —

Никто не перебивал говорившего.

Им стало жутко от его слов. Они видели, что слабый, беззащитный человек не боится их — совершенно спокойно угрожает им в зловещих, наполовину непонятных словах... значит, он в самом деле был в силах навлечь на них, после смерти, те таинственные напасти, о которых говорил?

Всем было не по себе. Только один Сигурд по-прежнему беззаботно, без малейшей тревоги, смотрел своими ясными глазами. Но он с самого начала и не собирался нападать на колдуна, и пришёл без всякого оружия, просто из ребяческого любопытства...

Колдун говорил:

— Я не хотел бы, чтобы холодные бледные Мары стали ходить по вашим дворам... кровь колдуна покажет им дорогу. От последнего вдоха колдуна народится ядовитый дым. Рогами вверх взойдёт над вами месяц, грозный месяц, месяц умерших!.. Так будет, если вы убьёте колдуна... —

Он украдкой окинул взглядом лица, чтобы убедиться в действительности своих слов, потом снова потупился и продолжал тише, жалобным голосом:

— И кто поможет вам, когда не будет колдуна? Кто даст травы от больного озноба, кто даст курения, помогающая матери родить младенца? кто заговорит кровь, когда принесут раненых железом людей и зубами зверей?... Ой, горе, ой, горе будет вам без колдуна!.. Раз, только один раз умрёт колдун; а много умрёт после него... и некому будет помочь... А Безымянное станет ходить из дома в дом, кругами ходить будет около вас, кругами обводить долю вашу!.. Ой, горе, горе!.. —

Колдун замолчал. Долго молчали и те, кто слушал его.

У одного мелькала мысль: «Моей жене придётся рожать через две смены месяца... как быть без колдуна?» Другой думал: «Моя ломота в суставах вернётся по осени... Что делать без трав колдуна?..». «У меня захворал племенной бык, — соображал третий, — только финн умеет заговаривать скотину»...

И у большинства преобладало в сознании одно: «Не след накликай на себя всякое лихо из-за проклятого чародея»...

Когда все ещё стояли молча, раздался весёлый голос Сигурда, громкий и решительный:

— Колдун прав, оставьте его в покое!... В селе будет плохо без него... а за что его убивать? Что он спрятал у себя девушку? велика беда!... И он молодец, не боится смерти. Не троньте его! —

— Пожалуй... — раздалось нерешительное голоса:

— Сигурд верно говорит...

— Не стоит убивать колдуна...

— Добро же, — сказал, тряхнув головой, дядя Ирсы, — пусть живёт финский урод... А девчонку, которая убежала от нас, я

не хочу больше видеть у себя во дворе. Пусть сидит в лесу с волками и с этим чёрным зверем! Если только Эйнар...

— За кого ты считаешь меня? — запальчиво перебил тот, — я тебя не хотел оскорблять отказом, но раз ты сам от нея отрекаешься, пусть остаётся здесь. Мне не надо девчонки, которая предпочла моему дому логово кудесника!

— Слышишь, Ирса? — крикнул дядя. — Оставайся у финна, раз тебе так полюбилося у него! А в селение не смей возвращаться, не то тебя побьют камнями!... Счастлива моя сестра, что умерла, не дожив до этого сраму. —

Ирса, которая всё это время стояла неподвижно, прижавшись к косяку двери, повернулась, с сильно бьющимся сердцем, и медленно ушла в хижину... Там она опустилась, закрыв глаза, на лавку.

Она услышала, словно во сне, как снаружи затихали голоса, как удалялся по лесу шум оружия.

Через несколько мгновений вошёл колдун. Лицо его было покрыто потом, колени тряслись.

— Они ушли, Ирса, — прошептал он едва слышно.

И без чувств повалился на глиняный пол.

— — — — —

III.

Никогда ещё, с тех пор, как он существовал на свете, колдуну не жилось так хорошо, как в это лето. Ему казалось, что чудесная золотопёрая заморская птичка залетела в его хижину и поселилась в ней. И все его помыслы отныне были направлены на то, чтобы украсить жизнь этой светлой гостьи; и хотя он изо всех сил старался достигнуть этого — он тем не менее, как чуду, дивился тому, что гостья была весела и довольна в его лесу, в его хижине...

А это действительно было так. Избавившись от гнетущего страха, тяжело лежавшего на её душе в первое время её житья

у колдуна, когда каждый день ожидала смертной опасности для себя и для него — Ирса словно сразу расцвела, стала довольной и радостной. Она в последнее время слишком много вынесла горького в доме дяди, чтобы её могло тянуть обратно. Убожество лесного существования колдуна — чувствительное для девушки, выросшей в богатом доме, — не было однако тяжело ей, молодой и беззаботной... И со стороны своего странного хозяина она видела такое попечение о себе, к какому совсем не привыкла. С раннего утра, до восхода солнца, он уходил в лес, с луком и стрелами на охоту. Первое время обоим приходилось питаться только молоком и сыром, да ещё рыбу, пойманную тут же в речке. Но с тех пор, как стало безопасно удаляться от жилища, колдун принялся добывать дичь — больше для Ирсы, чем для себя: ему было всё равно, что есть. И не одну дичь. Он где-то отыскивал и приносил ей всякия ягоды, какая ещё можно было найти в эту пору в лесу. Он выкапывал всякия-то сладкия коренья и варил из них превкусную похлёбку, до которой сам почти не дотрогивался, радуясь тому, с какою охотою её ела девушка. И дичь он сам жарил для неё. Каждый вечер, с самого её прихода, он устраивал для неё свежую постель из мягкого камыша и душистой травы. Он заметил, что Ирса любит цветы — и стал приносить ей и цветы из лесу; искал особенно красивых и умудрялся часто находить такие, каких девушка даже не знала вообще... Постоянно приходилось ей говорить — то по одному, то по другому поводу:

— Спасибо тебе, колдун!... —

Она продолжала называть его так; и на первых порах ни ему, ни ей не приходило в голову, что можно иначе обращаться к нему. Так звали его все — давно, очень давно...

Но однажды, — после того как он опять доставил какую-то маленькую радость Ирсе, и сам, как всегда, удивился её радости и её благодарности, — ему пришло в голову нечто, что он не сразу решился сказать:

— Девушка Ирса... — начал он робко.

— Что, колдун?

— Видишь ли... я хотел... я думал... —

Он помолчал немного, потом продолжал, запинаясь:

— Я думал... меня все зовут колдуном, правда... А когда я был невольником, хозяин называл меня просто «финн»... Но у меня прежде было имя. В земле Суоми моя мать меня называла: Тута... Тута Пеллервойнен. —

Он опять помолчал, и через несколько мгновений нерешительно повторил:

— Тута Пеллервойнен... Может быть ты могла бы — хоть не всегда — изредка... звать меня так? —

Девушка широко раскрыла свои кроткие тёмные глаза. Финское имя показалось ей странным и забавным, а главное — таким мудрёным, что она даже не решалась попробовать произнести его. С детства она слышала только германские имена — звучные, как рокот арфы или всплеск волны, иногда резкие, как удар меча, — но все до такой степени не похожие на то, что произнёс колдун, что Ирса с трудом представляла себе, как и выговорить такое имя...

— Это очень трудно... смущённо сказала она.

— Ну, не надо, не надо! — торопливо заговорил финн, — зови меня как прежде, зови как хочешь... —

И в душе у него звучало то, чего он не умел высказать: «мне так хорошо от одного того, что ты смотришь на меня и говоришь со мной — мне будет хорошо близ тебя, как бы ты не называла меня!»

— Ты не сердись на меня, — вымолвила Ирса с ласковой улыбкой, — я уж так привыкла звать тебя колдуном... ведь ты не сердись?

— Что ты, что ты! — почти испуганно возразил он. — Как я могу на тебя сердиться?... Я сам знаю, что это трудно — Тута Пеллервойнен... —

И он улыбнулся, тихо покачивая головой. Улыбался он редко, и от улыбки его лицо словно ещё больше сморщивалось и перекашивалось; но, странное дело, — при этом всё-таки хорошело... Ирсе нравилась его улыбка. А она ещё не знала, как он улыбал-

ся иногда, когда она не могла этого видеть. Часто, возвращаясь из лесу, он не сразу подходил к хижине, если замечал издали Ирсу на пороге, а подолгу оставался притаившись, в густой заросли, смотрел на девушку – и улыбался; долго, задумчиво, как человек, чьи глаза видят то, что недоступно другим.

Он видел, как травы склонялись перед нею, когда она проходила перед хижинкою, направляясь за водою к речке, с глиняным кувшином в руке. Он видел, как цветы целовали её обувь нежными лепестками; как лёгкие лесные стрекозы с благоговейным приветом кружились над её золотистой головой – не смея садиться на неё и не решаясь отлететь прочь, так прекрасна была эта голова. Он видел, как вековые деревья ниже опускали свои ветви, когда проходила мимо них Ирса, как старые корни простирались под её ногами, довольные тем, что она наступила на них...

«Лесная королева! лесная королева!» – шептал колдун, покачивая головой.

И странно было ему, что королева Ирса живёт в его хижине и печёт хлебы на его очаге, моет и убирает тёмное жилище, которое под её руками становилось опрятным и приветливым...

Часто, по вечерам, они сидели вдвоём у очага, и беседовали. Робкий, неискusstный в речах колдун становился разговорчивым. Ирса просила его рассказывать про старое; и он говорил сначала путаясь и запинаясь, потом всё складнее и глаже – говорил древняя были земли Суоми, чудные повести далёкой старины. Рассказывал о молодом исполине Куллерво, как он вырывал с корнями толстые сосны чтобы построить из них изгородь, и о вещем певце, старом Вейнимейнене, который так чудесно играл на своей многострунной кантелэ, что сам царь морской и все подводные чуда выплывали из глубины слушать его...

– Теперь ты говори, Ирса, – просил он, кончив рассказ.

– Я не умею...

– И я ведь не умею... Расскажи, девушка! Расскажи мне про старину вашего племени... –

И Ирса рассказывала ему о германских богах и о славных

древних бойцах. Рассказывала то, что певали захожие скальды, в зимние вечера, у очага в доме Торвина. О великом боге Одине, Властителе побед и вещем хранителе мудрости; о сыне его, могучем Громовнике Торе, как он истреблял исполинов; о древнем светлом витязе Сигурде, победившем дракона...

— Колдун, а это правда, что в здешнем лесу тоже есть дракон?

— Правда. Он живёт далеко, на полночь отсюда...

Ирса робко ёжилась и подвигалась на лавке к собеседнику.

— Ты видел его? —

— Нет. Но я по ночам часто слышу его голос. —

И девушка сама начинала боязливо вслушиваться в глубокую лесную тишь... Потом думала вслух:

— Может быть, наш Сигурд тоже убьёт его. Он сильнее всех людей. —

— Его не нужно убивать... — тихо возражал колдун, — он не злой, он людей не трогает... Это лесной дракон; он ест только листья и коренья.

— Откуда ты знаешь?

— Уж знаю... —

Помолчав, финн прибавил:

— А Сигурд никого не убьёт понапрасну. Он добрый: он за меня заступился... —

Колдун улыбался, качая головой:

— И Ирса осталась у меня... у колдуна! У Туты Пеллервойне-на. —

— Да, — ласково отвечала Ирса.

Она не обращала внимание на то, что он иногда повторял нарочно своё имя; ей не приходило в голову, что он втайне всё-таки ещё надеялся: не назовёт ли она его когда-нибудь так?... Если бы девушка подозревала, как сильно ему этого хотелось, она конечно постаралась бы выговорить мудрёные иноземные слова. Но она не догадывалась об этом. А он больше не осмеливался просить её.

Только оставшись один, он иногда в раздумьи бормотал:

– Разве уж так трудно?... Пеллервойнен – это трудно, да. Но Тута?.. Тута – это ведь легко! Она может когда-нибудь сказать: Тута... –

В дурную погоду колдун ночевал в пристройке, где стояла коза; когда же ночь была тепла и ясна, как большинство ночей в это лето, он спал на медвежьей шкуре у порога...

И тихия ночные существа появлялись из таинственной глубины леса, и с любопытством окружали хижину, и подходили к колдуну. А он улыбался им в темноте и шептал, указывая на дверь своей лачуги:

– Там спит королева. Королева Ирса!

IV.

Время проходило. Вечные Норны, девы судьбы, неустанно свивали над жизнью людей свои незримые нити...

Пришел день, когда к жилищу колдуна принесли человека, раненого клыками вепря: чужеземца, путешествовавшего через этот лес, направляясь к морю, к большому торговому селению. Там он собирался сесть на корабль чтобы отправиться в далёкое странствие с местными торговцами, среди которых у него были знакомцы...

Охотники случайно нашли раненого в лесу – бесчувственного, истекающего кровью, и из сострадания принесли его к финну. Колдун объявил, что он умрёт, если его ещё переносить, и раненый остался в его жилище. Колдун и Ирса вдвоём ходили за ним, день и ночь. Он поправлялся; его раны зажили от умелого лечения, его силы вернулись...

Это был стройный, красивый человек лет тридцати, с каштановыми кудрями и умными, смеющимися серыми глазами. Его звали Галли. Выздоровливая, он стал общителен и весел, и от души привязался к двум своим спасителям, как он называл их – к финну и к Ирсе. Особенно к Ирсе...

Как случилось то, что произошло потом?

Лес это знал — чуткий древний лес, ласково шептавший тихия пророчества над хужиной колдуна своими зелёными листьями, своими смолистыми тёмными хвоями. Речка знала это, напевавшая в камышах лукавыя нежные песни, так что водяная дева смеялась, подслушав их, хрустальным русалочьим смехом. Лесные цветы это знали, — которые всё расцветали и расцветали на укромной прогалине, хотя давно миновала им пора цвести, и всё задумчиво кивали своими голубыми и алыми головками, точно говоря про себя: «мы знаем что-то, мы знаем что-то!..»

Это знала и Фрейя, ласковая богиня любви, которая в тихия, озарённая месяцем, ночи, неслышно проезжала по лесной прогалине на своей лёгкой колеснице, запряжённой двенадцатью большими серебристыми кошками...

Знал это, должно быть, и колдун, потому что чаще обыкновенного кивал головой и улыбался, и когда оставался один, говорил тихонько: «Так, так... да, да!»

Не знали ничего, по-видимому, только Ирса и Галли; и сами удивились, как это могло выйти, что в один тихий, прохладный, уже осенний вечер, они взялись за руки и долго смотрели в глаза друг другу. И Галли спросил:

— Маленькая Ирса, ты убежала бы, если бы тебя хотели отдать не тому Эйнару, а мне?.. —

А Ирса чуть слышно ответила:

— Нет, Галли... —

И прибавила ещё тише:

— Я пошла бы с тобой.

— Так и иди со мной, моя невеста! — сказал он, и поцеловал её.

Было утро, когда они собрались в путь. Лес сверкал росой и пестрел разнообразными красками умиравшей листвы. Воздух был ясен, свеж и мягок: чудный, яркий осенний день готовился после холодной ночи...

Колдун провожал своих гостей. Он дал им большую сумку

припасов на дорогу: там была и копчёная рыба, и сыры, и сушёные грибы, и медовые соты в плотно закрывавшейся глиняной посудине... Он навязал им и мешочек с волшебными травами и корешками; Галли со смехом хотел отказаться от этого подарка, — но Ирса приняла его, чтобы доставить удовольствие колдуну.

Теперь, когда предстояло покинуть его, — она сознавала, какая тёплая благодарная привязанность к нему выросла в её душе.

Он не был больше для нея уродом, страшным лесным чародеем, к которому она прибежала за помощью с отчаянья... он стал добрым, милым человеком, спасшим её с опасностью для собственной жизни, и заботившимся о ней так, как не заботилась об Ирсе ни одна душа — со смерти её матери...

И прощаясь с ним, она искала и не находила слов, какими бы отблагодарить его.

— Пусть тебе хорошо живётся... пусть боги хранят тебя!.. пусть тебе будет всё, что ты хочешь!.. —

Колдун кивал ей в ответ, тихо улыбаясь. «Чего я хочу?» — думал он: «да ведь я ничего не хочу. Я хочу только, чтобы ты была счастливее всех на свете!» — но он не говорил этого: он-то уж совсем не умел передавать словами того, что чувствовал. А Ирса всё не решалась уйти — всё ей казалось, что недостаточно добрых сердечных слов она ему сказала: хотелось найти что-нибудь особенное, такое хорошее, чтобы ему стало радостно и тепло, чтоб он в самом деле почувствовал, как ласково и задушевно прощается с ним Ирса...

Вдруг неожиданная мысль мелькнула у нея в голове. Как же это было — то, что он несколько раз говорил ей? о чём когда-то просил её?.. Она ведь помнила всё-таки эти слова, хотя и не произносила их — наверное, помнила... Как они звучали? Ах, да! Кажется, что так... да, да, конечно!..

И близко подойдя к колдуну, Ирса провела своей маленькой нежной рукой по его жёстким чёрным волосам, и проговорила тихо, с доверчивою лаской:

– Тута Пеллервойнен!... добрый, добрый – Тута Пеллервойнен! –

Всё безобразное, перекошенное лицо колдуна просияло, точно яркое солнце озарило его – не осеннее солнце, а такое, какое бывает в месяце посевов: тёплое, радостное, приносящее жизнь и счастье земле. И светлая мелкая капельки заблестели на его сморщенных веках – такие как те, что выступают весною на серых камнях, когда тепло начнёт их отогревать после зимней стужи...

– – – – –

И долгое, долгое время после того, как светлокудрая Ирса ушла со своим счастьем, колдун сидел неподвижно на пороге лачуги с улыбающимся лицом, с маленькими светлыми капельками на редких ресницах, и повторял вполголоса, нараспев, мурлыкая на разные лады, точно чудесную песню:

– Тута Пеллервойнен! Тута Пеллервойнен! добрый, добрый Тута Пеллервойнен!... –

БИБЛИОГРАФИЯ

1. СОЧИНЕНИЯ С. СВИРИДЕНКО (ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ)

1.1. История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе. По лекциям И. М. Гревса. Составлено слушательницей С. Свиридовой. — СПб., 1902—1903.

1.2. [Рецензия на книгу:] Ф. Дан. Борьба за мир // Мир Божий. — 1904. — №10. — Отд. II. — С. 89—93.

1.3. [Рецензия на книгу:] Э. Мадач. Трагедия человечества. Перевод Н. А. Холодковского // Мир Божий. — 1905. — №1. — Отд. II. — С. 92—94.

1.4. [Рецензия на книгу:] Н. Ленау. Фауст. Поэма. Пер. с нем. А. Анютина // Мир Божий. — 1905. — №2. — Отд. II. — С. 38—41.

1.5. [Рецензия на книгу:] Адам Эленшлегель. Ярл Гакон. Трагедия в пяти действиях. Пер. с датского Анны Ганзен // Мир Божий. — 1905. — №4. — Отд. II. — С. 111—113.

1.6. [Рецензия на книгу:] Полное собрание песен Беранже в переводах русских поэтов...// Мир Божий. — 1905. — №12. — Отд. II. — С. 80—81.

1.7. [Рецензия на книгу:] Лео Берг. Сверхчеловек в современной литературе. Пер. Л. Горбуновой // Мир Божий. — 1905. — №12. — Отд. II. — С. 82—84.

1.8. [Рецензия на книгу:] Э. Ренан. Жизнь Иисуса // Мир Божий. — 1906. — №4. — Отд. II. — С. 84—86.

1.9. Памяти И. Я. Рудченка. Очерк. // Отд. оттиск из журнала «Киевская Старина». — К., 1906.

1.10. Трилогия Кольцо Нибелунга Рихарда Вагнера. — СПб., 1907. (2-е изд. доп. и испр.: СПб., 1908.).

1.11. На Севере. Повесть из далекого прошлого северных германских племен. — СПб., 1907.

1.12. На Севере // Русское богатство. — 1908. — №4. — С.142—143.; 1910. — №8. — С. 7—43.

1.13. Чудесный боченок. (Старое французское предание) // Солнышко. — 1908. — Год IV. — Кн.3. — С. 98—105.

1.14. Пасхальный сказ про рыбу камбалу. С 2 рис. автора. // Солнышко. — 1908. — Год IV. — Кн.4. — С. 146—150.

1.15. Вагнеровские типы Трилогии «Кольцо Нибелунга» и артисты Петербургской оперы. — СПб., 1908.

1.16. Итоги вагнеровских спектаклей [Мариинский театр] // РМГ. — 1908. — №17.

1.17. Тристан и Изольда Рихарда Вагнера. — СПб. — М., 1909.

1.18. Вагнеровский сезон 1908—1909 // РМГ. — 1909. — №17.

1.19. Лирика песен Шумана. «Эскиз» // РМГ (?). — 1910. — №22—23.

1.20. Шуман и его песни. Очерк. — СПб., 1911.

1.21. Сюжет и эпоха «Тристана и Изольды» // РМГ. — 1911. — №4.

1.22. «Лознгрин» (бенефис оркестра) // РМГ. — 1911. — №7. — С. 190—191.

1.23. Вагнеровский сезон 1910—1911 [Мариинский театр] // РМГ.-1911.-№18—19.

1.24. Лист и Вагнер. Очерк (посвящается моему другу) // РМГ.-1911.-№40—41.

1.25. Песнь о Сигурде. Вольный перевод древняго германского сказания. С общедоступным предисловием автора.- СПб., 1912.

1.26. Русская опера в Мариинском театре за 25 лет. Очерк.- СПб.-1912.- (ранее: РМГ.-1912.-№1,2, 4, 5.).

1.27. Дан Ф. На земле. В Валгалле /Пер. с нем. С. Свириденко //РМГ.-1913.-№15—16.-С.386.

1.28. Вагнер и древне-германский народный эпос //РМГ.-

1913.-№15—16, 18—21, 40—41, 43—45.

1.29. Вагнеровский сезон 1912—1913. //РМГ.-1913.-№18—19.

1.30. Воспоминание об А.И.Рубце //РМГ.-1913.-№22—23.-
С.527—531.

1.31. О песнях Брамса //РМГ.-1913.-№34—35.

1.32. Пятидесятилетие капельмейстерской деятельности
Э.Ф.Направника //РМГ.-1913.-№37.-Стлб.761—771.

1.33. Парсифаль Рихарда Вагнера.- СПб.-М.: В. Бессель и К.,
1914.

1.34. Нюрнбергские мейстерзингеры Рихарда Вагнера. Об-
щедоступный очерк [и либретто].- СПб.-М.: В. Бессель и К, 1914.

1.35. К постановке «Парсифаля» //РМГ.-1914.-№1.

1.36. Неведомому Баху //РМГ.-1914 (?).-№11.-Стлб.281—289.

1.37. Как возвратился старый орел. Рассказ из жизни
древне-скандинавского мира //Ежемесячные Литературные
и популярно-научные приложения к журналу «Нива». -1914.-Т.II.-
№5.-С.75—102.

1. 38. Свириденко С. Исландская, или норвежско-исландская
литература (древняя) // Новый энциклопедический словарь/
Акад. К. К. Арсеньев. СПб., 1914. Т. 19. СПб. 712—717.

1.39. Сын океана. (Новелла) //Там же.-1915.-Т.III.-№12.-С.616
—623.

1.40. Победенные. [Перевод] из Ади Негри //Новейший
чтец-декламатор /Сост. Л.Б.Раевский.- [1915].-С.253—254.;
То же //Чтец-декламатор. Т.I /Сост. Ф. Самоненко. Изд. 12.- Киев,
1916.-С316—317.; То же //Сборник литературно-художественных
революционных произведений.- М., 1922.

1.41. Стихотворение. «Памяти Э. Ф.Направника». //
РМГ.-1916.-№48.

1.42. Эдда. Скандинавский эпос. Перевод, предисловие
и комментарии. [Т.I].- М.:Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917.

1.43. [Фрагменты из «Эдды»] //Хрестоматия по западноевро-
пейской литературе. Литература средних веков. /Сост. Р.О.Шор.-
М., 1936, 1938, 194... (?)

1.44. Из неопубликованного наследия: Эдда, т. II, Песнь

о Хамдире //Слово в контексте литературной эволюции: проблемы жанров.-М.,1993.

1.45. Колдун // Зеркальная струя [Харьков].-1997.-№1.-С.12–17. (Публикация Г. И. Ганзбурга.)

2. СОЧИНЕНИЯ С. СВИРИДЕНКО (РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ)

2.1. Без крыльев. Колдун. Идеальная женщина.- ЦГАЛИ, ф.335, оп.1, №296.

2.2. Рассказы разных лиц, записанные С.А.Свиридовой.- ГПБ, ф.273, №239.-3 л.

2.3. «Ночевала тучка золотая» и «Без крыльев». Рассказ. (Литографированный экз.).-ГПБ, ф.273, №237.-3 л.

2.4. [«Герман»] Отрывок повести без заглавия.- ГПБ, ф.273, №238.-20 лл.

2.5. «Федра». Перевод трагедии неустановленного автора. Отрывок.- ГПБ, ф.273, №241.-21 лл.

2.6. «Предварительные примечания для автора» к переводу Эдды.- ГПБ, ф.273, №240.- 4 лл.

2.7. «Эдда». Книга II-я. 1910 [г].- ГБЛ, ф.261, к.12, №1.- 496 лл.

2.8. Ф. Дан. Баллады. Пер. с нем. С. Свириденко.- ЦГАЛИ, ф.629, оп.1, №748.

2.9. «Кольцо Нибелунга». Перевод. [Верстка 1920–1923].- ЦГАЛИ, ф.629, оп.1, №464.

2.10. Письмо к И.В.Егорову.- ГПБ, ф.273, №130.

2.11. Письмо к Непременному секретарю Императорской Академии Наук от 30 дек. 1910 г.- ЛО ААН СССР, ф.9, Оп.3, №41.- Л.19.

2.12. Письмо к Непременному секретарю Императорской Академии Наук от 19 дек. 1912 г.- ЛО ААН СССР, ф.9, Оп.3, №22.- Л.113.

2.13. Письма к М.В.Сабашникову.- РО ГБЛ, ф.261, к.6, №20.

2.14. Письма к А.А.Блоку.- ЦГАЛИ, ф.55, оп.1, 395.

2.15. Письмо к В.П.Коломийцову от 25 февр. 1911 г.- ЛГИТ-МиК, ф.87, оп.1, №216.

2.16. Письмо от 3 марта 1925 г.- РО ИРЛИ, ф.230, №686.

2.17. Письмо к К.К.Романову от 23 окт. 1912 г.- РО ИРЛИ, ф.137, №115.

2.18. Прошение в Дирекцию Императорских театров.- ЦГИ-АЛ, ф.497, оп.10, д.1083.- Л.12.

3. ЛИТЕРАТУРА О С. СВИРИДЕНКО (ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ)

3.1. Белодубровский Е. Б. М.И.Ливеровская //Дантовские чтения-1976. – М., 1976.-С.129.

3.2. Браун Ф. А. Литературная заметка. По поводу книги С. Свириденко «На Севере. Из далекого прошлого северных германских племен». //Вестник Европы.-1908.-№4.-С.833–836.

Браун Ф. А. По поводу книги С. Свириденко // Вестник Европы. СПб., 1908. Т. 2. Кн. 4. С. 833–836.

3.3. Браун Ф. А. Отзыв о переводе С. Свириденко «Эдды» // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академиею наук. Т.6. Отчеты за 1911 г.- Пг., 1916.-С.199–220.

3.4. Блок А. А. [Дневниковая запись от 25 мая 1921 г.] // Блок А. А. Собрание сочинений в 8 томах. Т.7.- М.-Л., 1963.-С.421.

3.5. Ганзбург Г. И. К биографии Ивана Ершова //Литературное обозрение [М.].-1988.-№12.-С.83–84.

3.6. Ганзбург Г. И. Предисловие и публикация: С. Свириденко «Колдун» //Зеркальная струя [Харьков].-1997.-№1.-С.12–17.

3.8. Ганзбург Г. И. «...У меня своя поставленная цель в жизни...»: С. Свириденко – музыкальная писательница и переводчица //Музыкальная академия [Москва].-1998.-№1.-С.167–169.

3.9. Ганзбург Г. И. С. Свириденко – дослідниця німецької музики та перекладачка німецькомовних лібрето //Українсько-німецькі музичні зв'язки минулого і сьогодення (за матеріалами міжнародного симпозіуму): Збірник статей /Ред.-упорядн.

Т.С.Невінчана.- Київ, 1998.- С. 164–173.

3.10. Ганзбург Г. Очерк творчества С. Свириденко // З музично-педагогічного та дослідницького досвіду: Збірка статей. Вип 2. / Упорядник Г. І. Ганзбург, загальна редікція А. С. Зареченської – Харків: Сага, 2008. – С. 118–190. ISBN 978-966-2918-71-7

3.11. Зильберштейн И. С. Блок и Мариетта Шагинян // Литературное наследство. – 1987. – Т.92. – Кн.4. – С.752–758.

3.12. Кондра С. Г. Систематический указатель РМГ за второе десятилетие (1904–1913).- [СПб.] 1914.

3.13. Рощенко Е. Г. Журнальная вагнериана С. Свириденко в контексте ее творческого наследия // Ф. Мендельсон-Бартольди и традиции музыкального профессионализма: Сб. науч. Трудов / Сост. Г.И.Ганзбург.- Харьков, 1995.- С.103–119.

3.14. Рощенко Е. Г. Лики Шумана в его песнях (по прочтении С. Свириденко) //Роберт Шуман и перекрестье путей музыки и литературы.-Харьков:РА – Каравелла, 1997.-С.34–57.3.17.

3.15. Смирницкая О. [Предисловие к публикации:] С.А.Свиридова. Из неопубликованного наследия: Эдда, т. II, Песнь о Хамдире //Слово в контексте литературной эволюции: проблемы жанров.-М., 1993.

3.16. Смирницкая О. Софья Свириденко и ее «Эдда» // Древнейшие государства Восточной Европы – 1999. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001.

3.17. Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда.- М.-Л., 1963.- С.192–194.

3.18. Чуковская Е. Ц. Блок в архиве Чуковского // Литературное наследство.-1987.-Т.92.-Кн.4.-С.315–316.

3.19. Шарыпкин Д. М. Первый полный перевод «Старшей Эдды» на русский язык (рецензия на перевод А. И. Корсуна // Скандинавский сборник X.- Таллин: Ээсти Раамат, 1965.-С.278–286.

3.20. [Без подписи] От редакции // Скандинавский сборник. Вып.25.- Таллин, 1980.-С.189.

**4. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ С.
СВИРИДЕНКО (РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ):**

4.1. Браун Ф. А. Отзыв о сочинении С Свириденко «Песнь о Сигурде». – ЛО ААН СССР, ф.9, оп.3, №87.-Лл.131–132.

4.2. Браун Ф. А. Отзыв о переводе в стихах «Эдды» С Свириденко (Свиридовой).- ЛО ААН СССР, ф.9, оп.3, №41.-Лл.20–37, 38–66.

4.3. Издательство М. и С. Сабашниковых. Договор с Свиридовой С. А. 1912г.-ГБЛ, ф.261, оп.8, №90.

4.4. Направник. Письмо к М.В.Станиславскому от 2 февр. 1910 г.-ЛГИТМиК, ф.21, оп.2, №122.

4.5. [Пяст В. А.] Список произведений С. Свиридовой (С. Свириденко).-ЦГАЛИ, ф.237, оп.1, №145.-Л.2.

4.6. Шихматов А. А. Письмо К. К.Романову то 03.04.1915.- ЛО ААН СССР, ф.6, оп.1, №38.-Л.21.

4.7. Шпаро Б. Записка к П.С.Когану от 25.05.1928.- ЦГАЛИ, ф.237, оп.1, №145.-Л.1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Обзор наследия С. Свириденко	9
ПРИЛОЖЕНИЕ I	30
ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ	30
1. Письмо И. В. Ершову	30
XI	31
2. Письмо И. В. Егорову	31
3. Записка И. В. Егорову	36
4. Письма С. Свириденко к А. Блоку	36
Приложение II	47
С. Свириденко КОЛДУН Рассказ из древнескандинавской жизни	47
БИБЛИОГРАФИЯ	73
1. Сочинения С. Свириденко (печатные источники)	73
2. Сочинения С. Свириденко (рукописные источники)	76
3. Литература о С. Свириденко (печатные источники)	77
4. Архивные документы, касающиеся С. Свириденко (рукописные источники):	79

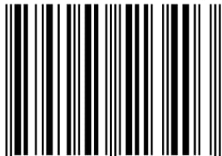
Григорий Ганзбург

О писательнице под псевдонимом С. Свириденко

Григорий Ганзбург — кандидат искусствоведения (Ph. D), музыковед, педагог, член Союза композиторов Украины, директор Института музыкознания.

Очерк творчества Софии Свиридовой — писательницы Серебряного века. В приложении публикуется ее рассказ «Колдун» и письма к Александру Блоку, Ивану Ершову, Ивану Егорову.

ISBN 978-5-0055-1340-3

9 785005 513403 >